

e-ISSN: 2658-5650

Министерство науки и высшего
образования
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 4(7)
2021**

МОСКВА
2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакция:

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – доктор филологических наук (Омск, Россия);

Н.Н. Германова – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Е.Н. Гуц – доктор филологических наук (Омск, Россия);

А.В. Кинцель – кандидат филологических наук (Барнаул, Россия);

А.В. Кирилина – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Дж. Кич-Дргас (Познань, Польша);

Е.Ф. Косиченко – доктор филологических наук (Москва, Россия);

В.В. Красных – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Н.Ф. Крюкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

Е.В. Лукашевич – доктор филологических наук (Барнаул, Россия);

А.Б. Михалёв – доктор филологических наук (Пятигорск, Россия);

Е.Ю. Мяжкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

В.А. Попова – доктор филологии (Шумен, Болгария);

Д.Д. Попов – доктор филологии (Шумен, Болгария);

А.Г. Сонин – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Д.Д. Трегубова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);

Н.Н. Трошина – кандидат филологических наук (Москва, Россия);

С.А. Чугунова – доктор филологических наук (Брянск, Россия);

Э.Б. Яковлева – доктор филологических наук (Москва, Россия);

К. Янь – кандидат филологических наук (Гуанчжоу, Китай).

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Russian Academy
of Sciences

Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 4(7)
2021**

MOSCOW
2021

Founder:
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials:

Editor-in-chief:

Vera Pishchalnikova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Nataliya Germanova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Elena Guts – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Alyona Kintsel – PhD in Philology (Barnaul, Russia);

Alla Kirilina – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Joanna Kic-Drgas (Poznan, Poland);

Elena Kosichenko – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Viktoriya Krasnykh – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Natalia Kryukova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Elena Lukashevich – Doctor of Science in Philology (Barnaul, Russia);

Andrey Mikhalev – Doctor of Science in Philology (Pyatigorsk, Russia);

Elena Myagkova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Velka Popova – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Dimitar Popov – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Alexandr Sonin – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Dinara Tregubova – PhD in History (Moscow, Russia);

Natalia Troshina – PhD in Philology (Moscow, Russia);

Svetlana Chugunova – Doctor of Science in Philology (Bryansk, Russia);

Emma Yakovleva – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Kai Yan – PhD in Philology (Guangzhou, China).

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Содержание

<i>Михалёв А.Б.</i> Рецепт приготовления фоносемантического пространства по-корейски	7
<i>Бокале П.</i> Русистика в Италии	18
<i>Попова Е.А.</i> Измерение времени в испанском и русском языковом сознании: репрезентация эволюционных процессов	28
<i>Трошина Н.Н.</i> Моноязычие современного научного дискурса и изменения в немецком научном когнитивном стиле	36
<i>Таймур М.П.</i> Повседневная лингвокреативность в мономодальных и мультимодальных метафорах	46
<i>Адамова З.Г.</i> XVIII Международные Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса»	55

Contents

<i>Mikhalev A.B.</i> The recipe of Korean phono-semantic space	7
<i>Bocale P.</i> Russian Studies in Italy	18
<i>Popova E.A.</i> Time measurement in Spanish and Russian language consciousness: representation of evolutionary processes	28
<i>Troshina N.N.</i> Monolingualism of modern scientific discourse and changes in the German scientific cognitive style	36
<i>Taymour M.P.</i> Everyday linguistic creativity in monomodal and multimodal metaphors	46
<i>Adamova Z.G.</i> XVIII International Berezin readings «Linguistic existence of human being and ethnos»	55

Михалёв А.Б.

**Рецепт приготовления
фоносемантического пространства по-корейски***

*Пятигорский государственный университет,
Россия, Пятигорск, abmikhalev@pgu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования корейской лексики с начальным [N], образующим фоносемантическую систему, качественно и количественно отличную от фонетически аналогичной праиндоевропейской. При сходном принципе полевого структурирования корейская семиогенетическая стратегия развивает в большей степени символические возможности назального артикуляционного аспекта [N], в то время как для праиндоевропейского языка характерно доминирование дентального аспекта.

Ключевые слова: фоносемантика; фоносемантическое пространство; семиогенез; артикуляционно-миметическая схема; гиперсема; языковая картина мира.

Поступила: 15.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Михалёв А.Б., 2021

Mikhalev A.B.

The recipe of Korean phono-semantic space*

*Pyatigorsk State University,
Russia, Pyatigorsk, abmikhalev@pgu.ru*

Abstract. The paper presents the findings of a semantic research of Korean lexicon with the initial [N], which forms a phono-semantic system, qualitatively and quantitatively different from the phonetically analogous one in Proto-Indo-European. Having a similar principal of field structuring, the Korean semiogenetic strategy mostly develops the symbolic potencies of a nasal articulation aspect of [N], while PIE focuses on a dental one.

Keywords: phono-semantics; phono-semantic space; semiogenesis; articulation-mimetic scheme; hyperseme; language world picture.

Received: 15.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Для тех, кто не знаком с продолжающимся сериалом моих исследований, представляю краткое введение. Начну с широко известного трюизма: лексика любого языка обладает системной организацией. Синонимия, антонимия, лексико-семантические, тематические, словообразовательные и прочие, ставшие привычными для лингвистов, поля представляют разные виды лексических систем с различными объединительными критериями, семантическими или морфологическими. Однако, как показывают наблюдения, существуют еще и метасистемы, интегрирующие в себе все перечисленные виды. Эти метасистемы я называю фоно-семантическими пространствами (далее ФСП). Формальным системообразующим критерием здесь является общий начальный корневой согласный или общая фонестема (т.е. консонантное звукосочетание). Предполагается, что эти элементы являются филогенетически первичными знаками, запускающими языковую номинацию и лексическую семантику.

Ну вот теперь можно перейти и к собственно рецепту приготовления любого ФСП, где в качестве основной начинки будет тот или иной звук. В зависимости от его артикуляционно-символиче-

* © Mikhalev A.B., 2021

ских возможностей получится и конечный продукт, что-то вроде селедки под шубой. Вот тот самый звук и представляет аллегорически селедку, которая служит основой для общего целого. Все другие ингредиенты этого продукта должны как-то сочетаться, т.е. продолжать, дополнять вкусовые свойства основного. Опытные кулинары интуитивно или по обучению понимают, какие продукты хорошо сочетаются с какими, а какие нет. Опытные лингвисты тоже: какие значения находятся в близком соответствии, а какие никак нельзя связать. И здесь путеводителем по этой сочетаемости служит сам словарь. А именно: выбрав, например, раздел алфавитного словаря, условно озаглавленный буквой N, и проанализировав значения всех слов, входящих в этот раздел, даже неискушенный наблюдатель сможет извлечь какие-то общие идеи, объединяющие разные значения разных слов. Проблема в том, кто способен после Джона Уоллеса (XVII в.), Шарля де Бросса, Готфрида Лейбница (XVIII в.), Вильгельма фон Гумбольдта (XIX в.) задуматься над этим?

Оказалось, что выписанные значения различных слов из этого раздела как будто сами приходят в движение и приближаются друг к другу, образуя большие или меньшие «коммуны». Понятно, что сами они в движение не приходят: для этого нужен исследовательский драйв и целеполагание. И эти коммуны – не что иное, как различного рода семантические поля, отмеченные выше. Будем условно считать их семантическими ингредиентами нашего блюда, или многослойного фоносемантического пространства.

Однако главная задача кулинара-лингвиста распознать те свойства, которые связывают основной продукт с его сопровождением. А эти свойства извлекаются из семиотического потенциала выбранного звука. В случае со взятым нами звуком N – это его назально-дентальная артикуляция, т.е. фокусирование на носовой и зубной деятельности, а также носовых и зубных признаках. Согласно рецептуре, все выявленные ингредиенты-поля должны быть отнесены с основными значениями, вытекающими из упомянутых действий и признаков. Какие это действия и какие признаки? Действия, ассоциированные с носом: например, «дышать, сморкаться, нюхать». Признаки: «выступающий вперед, заостренный». Действия для зубов: «жевать, грызть». Признаки: «острые, твердые». Если в списке лексем с начальным компонентом N есть значения, напрямую отражающие эти действия или признаки, то они составят базовую начинку нашего блюда, в лингвистических терминах «ядерную гиперсеум». В результате складывается многослойный салат или

пирог (как кому нравится), где каждый новый слой (семантическое микрополе) логично вытекает из предыдущего. Но все эти слои должны быть непосредственно либо опосредованно соотнесены с изначальным базисным.

Почему в названии статьи фигурирует «ФСР по-корейски»? Дело в том, что я посвятил достаточно много времени исследованию различных типов звуков и их ФСР в праиндоевропейском языке. Одним из последних было изучение ФСР звука N в абсолютном и поствокальном начале праиндоевропейских корней [Михалёв, 2018а; Михалёв, Корниенко, 2018]. Следуя описанной рецептуре, я приготовил многослойный салат (или пирог), основой которого недвусмысленно оказался ингредиент (гиперсема) СЖИМАТЬ, что говорит о доминирующем фокусе дентальной артикуляции этого звука. Вот я и подумал: а как будут обстоять дела у языков из других семей, территориально и генетически не близких индоевропейской? Выбор пал на корейский, по некоторым мнениям язык-изолят, по другим – представитель алтайской макросемьи. По морфологическому типу, корейский язык относится к агглютинативным, т.е. с четко обозначенными корнями моносиллабического характера. Интересующий нас начальный звук [N] в речи произносится то как назально-дентальный, смычно-проходной [n], то как дентальный смычно-взрывной [d], обозначаемый на письме одной буквой ㄴ.

Лексический корпус с начальным [N] составил, по нашей выборке, 368 единиц. В основном это разнокоренные слова (за исключением группы слов с префиксом ㄴ- [nae], указывающим на *направленность действия от себя*). Анализ семантики корейской N-лексики привел к уверенному выводу о системном характере ее организации, т.е. о принципиальном полевом структурировании, обнаруженном в ранее исследованных языках [Джукаева, 2010; Зимова, 2005; Михалёв, 2017; Михалёв, 2018б]. Более или менее условно весь корпус N-лексики распределился по 35 семантическим полям (гиперсемам, макросемам), находящимся в определенной взаимосвязи друг с другом. Говоря «условно», мы имеем в виду, что количество и наименования полей могут варьировать в зависимости от степени обобщения и детализации семантического пространства.

Наиболее объемными среди этих 35 оказались два семантических поля: ИТЕРАЦИЯ (повторяемость), представленная 41-й лексической единицей (11%) и АБЛАТИВ (от / из) – 35-ю единицами (9,5%).

ИТЕРАЦИЯ (повторяемость):

나근거리다 [nageun-georida], 나근나근 [nageun-nageun] колыхаться (о ветвях деревьев); быть гибким.

나날이 [nanali] ежедневно; изо дня в день; день ото дня; с каждым днем.

날다 [nalda] летать туда и сюда; виться; порхать.

나다나다 [nadanada] гулять; прогуливаться; бродить; ходить туда-сюда.

나악나악 [naangnaak] весь в заплатках; штопанный-перештопанный.

나악지리다 [naakjirida] 1) развеиваться (о прядях волос); болтаться (о рукавах); 2) вертеться; суетиться.

나부끼다 [nabuggida], 나부치다 [nabuchida] трепетать, развеиваться, колыхаться (от ветра).

나부 [nabu] трус (< дрожать).

놀라다 [nollada] 1) пугаться; 2) удивляться, поражаться, изумляться (< дрожать).

나부대다 [nabudaeda] вертеться; не сидеть спокойно (на месте).

나부시다 [nabushida] 1) слегка колыхаться; колебаться; 2) тараторить; болтать.

나탈거리다 [natalgeorida] болтаться (например, о рукавах, штанинах); развеиваться во все стороны (о прядях волос); 2) суетиться; торопливо двигаться.

날바함 [nalbaham] а) шататься; шляться; б) дурить; привередничать; капризничать.

날뛰다 [nalddwida] 1) носиться [туда-сюда]; сновать; 2) беситься; бесноваться; 3) увлекаться (чем-либо); самоотверженно делать (что-либо).

너덜 [neodeol] болтаться (о лохмотьях); обтрепаться.

너더분하다 [neodeobunhada] 1) разбросанный, беспорядочный; 2) сложный, запутанный.

너불지리다 [neobuljirida] 1) плавно колыхаться (колебаться); 2) болтаться (о длинных и широких рукавах).

노니다 [nonida] бродить; шататься, прогуливаться.

놀다 [nolda] I. 1) гулять; не работать; отдыхать; 2) вести праздный образ жизни; 3) простаивать (о машинах, оборудовании); 4) играть; развлекаться, забавляться; 5) шататься, колыхаться; 6) шевелиться; а) развращаться; б) порхать (по жизни); легкомысленно вести себя; бездельничать; вести распутный образ жизни.

놀리다 [nollida] 1) забавлять; давать отдых; 2) играть, представлять; 3) дразнить; издеваться; 4) успокаивать.

Весь перечень лексики, а также все фоносемантическое пространство (далее ФСП) корейского начального /N/ в формате Xmind см. в: [Корейская...].

АБЛАТИВ (ОТ / ИЗ):

나가눅다 [naganupda] 1) сопротивляться, отказываться.

나비지다 [nabijida] I. 1) светиться; литься (о свете); 2) показаться; появляться (о ком-либо).

날빛 [nalbit] солнечный свет; лучи солнца.

널름지리다 [neolleumjirida] 1) высовывать и убирать (например, язык); протягивать и отдергивать (руку); 2) украдкой бросать алчные взгляды; 3) вырываться (о языках пламени).

놓다 [nohda] I. 1) отпускать; выпускать; освобождать; 2) отказываться (от чего-либо); 3) специально посылать (кого-либо); 4) арх. сообщать о своем прибытии (о чиновнике); 5) давать в долг под проценты; ссужать; 6) делать инъекцию; 7) поджигать; 8) стрелять (из чего-либо).

놓치다 [nohchida] 1) выпускать (из рук); 2) потерять.

내- [nae] преф. 1) указывает на направленность действия от себя; 2) сильно; с силой.

내 [nae] I. дым. III. речка; ручей.

내다 [naeda] I. дымить (о плите); вырываться (из плиты – о пламени) и т.д.

Последняя лексема имеет «омонимичную» (по свидетельству словарей) форму с широко разившейся полисемией: II. 1. 1) вынимать; выносить; выводить; 2) порождать; производить; извлекать (звуки); 3) проявлять; 4) создавать, основывать; 5) высылать; посылать; 6) выдвигать (на должность); ставить (вопрос); 7) вносить (удобрения); 8) пересаживать (рассаду); 9) платить; уплачивать; вносить; 10) представлять; предъявлять; выставить (экспонаты); 11) издавать, выпускать (книгу); 12) [от]давать; 13) пробивать; продельвать; прокладывать; 14) предлагать; угощать; 15) снабжать (пояснениями, комментариями); 16) пускать в продажу; 17) получать (долг); 18) улучать (время); 19) как второй компонент слож. гл. показывает направленность действия изнутри наружу. II. 2. после деепр. смысл. гл. указывает на завершенность действия.

Префикс ㄴ- [nae], указывающий на направление действия от себя, также обладает богатой словообразовательной и семантической продуктивностью:

내리 [naeri] 1) сверху вниз; 2) с начала до конца; 3) как попало.

내려가다 [naeryeogada], 내리다 [naerida] 1) снижаться, спускаться, опускаться; выходить (из поезда и т.п.); 2) идти; выпадать (о снеге, дожде, росе и т.п.); 3) падать, снижаться (о ценах); 4) спадать (о жаре и т.п.); понижаться (о температуре); 5) усваиваться, перевариваться (о пище); 6) похудеть; 7) уходить в глубь веков; 8) опускаться; спускаться; снимать (груз).

내밀다 [naemilda] 1) выступать; высовывать[ся]; выпирать; 2) протягивать (руку и т.п.); 3) выталкивать; выдворять; 4) сваливать; перекаладывать (на другого).

내비치다 [naebichida] 1) светить (освещать) [изнутри]; светить перед собой; 2) приступать (делать вступление) к рассказу; и еще 20 дериватов с более или менее явной семантикой «исходная точка действия».

Для сравнения: в праиндоевропейском языке значение КОЛЕБАНИЕ, являющееся видовой разновидностью ИТЕРАЦИИ, представлено пятью корнями, а АБЛАТИВ присутствует только в одном корне со значением «светить» (см. ФСП назальных в праиндоевропейском языке [Назальные ...]). В современной немецкой лексике также не усматривается тенденция к развитию этих семантических областей: за исключением лексем *nicken* «кивать» и *nuddeln* «раскачиваться в разные стороны» ничто не указывает на присутствие двух вышеуказанных гиперсем в немецком лексическом N-корпусе. В новогреческом языке нет ни одной N-лексем, способной хоть как-то соотноситься с ИТЕРАЦИЕЙ или АБЛАТИВОМ [Зимова, 2005].

Закономерно возникает вопрос: каково может быть фоносемантическое объяснение семантической продуктивности именно этих гиперсем в корейском языке, или, иными словами, какая связь фонемы /N/ с «повторяемостью» и «исходной точкой»?

Назально-дентальная артикуляция звука [N] способна символизировать, как было указано выше, зубную (дентальную) деятельность, в частности СЖИМАТЬ, но также и носовую, а именно ДЫШАТЬ, проявляющуюся в своих разновидностях: «вдыхать», «выдыхать», «дуть», «нюхать». Гиперсема ДЫШАТЬ представлена в корпусе корейской N-лексики 13-ю лексемами (3,5%):

날숨 [nalsum] выдох; выдыхание; лингв. аспирация (숨 дыхание).

내내다 [naenaeda] 1) курить; 2) издавать запах; испускать аромат.

내불다 [naebulda] выпускать (дым, воздух); выдувать.

내쉬다 [naeshwida] выдыхать; выдувать; выпускать.

내짚다 [naejipda] 1) нащупывать опору (рукой, ногой); 2) выдыхать.

냄새 [naemsae] запах; а) пахнуть; издавать запах; б) иметь свои особенности (свою специфику); в) приедаться, надоедать; а) нюхать, обонять; б) [стремиться] пронюхать; б) проявлять свои особенности (свою специфику).

나리 [nari] цветок лилии (возм. «сильный запах»).

나팔 [napal] 1) труба; горн; 2) духовые музыкальные инструменты.

날라리 [nallari] [корейский] кларнет («духовой»).

넋 [neogt] душа; дух.

느끼다 [neuggida] 1) чувствовать; ощущать; осязать; 2) осознавать; 3) пережить; испытать; 4) рыдать; 5) захватывать дух (например, на морозе), (возм., от «запах»).

누리다 [nurida] I. наслаждаться (счастьем); пользоваться (например, плодами своих трудов) (< «вдыхать аромат»).

노 [noe] I. выветренные породы (< «дуть»).

Логично предположить, что акт выдоха трансформируется в образную (артикуляционно-миметическую) схему [движение из / от себя], акт вдоха – в схему [движение к себе], а чередование вдоха и выдоха – в схему [повторение / повторяемость]. Очевидно, что все эти три схемы продуктивно реализуются в корейской первичной номинации, основываясь на символическом потенциале назального [N].

Наряду с рассмотренными гиперсемами ФСП корейского инициального [N] обнаруживает семантическое микрополе РАСПРОСТРАНЯТЬ (20 / 5%), которое, по-видимому, также является развитием ядерного ДЫШАТЬ (о наличии связи ДУТЬ-ДЫШАТЬ-РАСПРОСТРАНЯТЬ см., например, «Пантопохронические семантические связи ядерных гиперсем» [Михалёв, 2018б, с. 431–433]):

나누다 [nanuda] делить; распределять; раздавать; разделять.

나들다 [nadeulda] 1) прогуливаться; прохаживаться; 2) распространяться (например, о слухах); 3) проявляться (о чувствах).

널다 [neolda] I. расставлять; расстилать; раскладывать; рассыпать; развешивать (для просушки).

널부리뜨리다 [neolburiddeurida] распространять; раскидывать.

노가리 [njgari] сеять, разбрасывать семена.

노느다 [noneuda] делить, распределять, раздавать.

넌흘 [neonheul] плети (вьющихся или стелющихся растений) и т.д.

Микрополя второго уровня периферии, гипотетически произрастающие от макросемы АБЛАТИВ (от / из), постулируются нами как: ВПЕРЕД / РАЗВИТИЕ (11 единиц / 3%), ВЫХОДИТЬ (13 / 3%), БРОСАТЬ (10 / 3%), ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ (9 / 2%), ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ (3 / 1%). В общей сумме периферийное развитие от этой макросемы составило 11%. Для сравнения, в праиндоевропейском ФСП [N] таких значений и микрополей не зарегистрировано [Михалёв, 2018a; Михалёв, Корниенко, 2018].

Еще более продуктивной оказалась макросема первой периферийной зоны РАСПРОСТРАНЯТЬ: ПРОТЯЖЕННОСТЬ (13 / 3,5%), УВЕЛИЧИВАТЬ (10 / 3%), ШИРОКИЙ (16 / 4%), ТЯНУТЬ(СЯ) (10 / 3%), РАСТИ (4 / 1%), ТРАНЗИТИВ (через / за) / ИНТЕНСИВ (8 / 2%). В общей сложности этот «куст» занимает 16,5% лексики ФСП корейского инициального [N].

Следует разъяснить, что понимается под названиями микрополей «транзитив» и «интенсив», охватывающих лексику с соответствующими семантическими компонентами. Нагляднее всего «транзитив» представлен значениями корейских лексических единиц: 넘어 [neomeo] 1. послелог через; поверх; 2. нареч. слишком, чересчур, сильно; 넘어가다 [neomeogada] 1) переходить (что-либо, к чему-либо); выливаться (во что-либо); переваливать; перелезть; 2) уходить (о моменте); 3) миновать (об опасности); 4) заходить (о солнце, луне). Уже в первом примере видна связь между значениями «через, поверх» и «слишком, чересчур, сильно», озаглавленному нами как «интенсив». Список лексем, входящих в это микрополе, дополняется также: 너무 [neomu] «очень, слишком; сильно; чрезвычайно»; 노상 [nosang] «совсем; очень»; 뵈다 [naepda] II. «очень сильно; изо всех сил». Думается, что лексемы 남 [nam] «I. чужой, чуждый, посторонний, другой»; 남다르다 [namdareuda] «непохожий на других; особенный»; 남달리 [namdalli] «особенно; своеобразно; исключительно» являются семантическим развитием «транзитива», фокусируясь на семантическом признаке «граница», а точнее, «выходящий за границу» (ср. англ. *outstanding*).

Наличие в ФСП корейского [N] таких микрополей, как ПОМЕЩАТЬ (6 / 1,6%), ЛЕТЕТЬ (6 / 1,6%), ПАДАТЬ (4 / 1%), БЫСТРЫЙ (15 / 4%) допустимо объяснить развитием гиперсемы второй периферийной зоны БРОСАТЬ: все эти действия и признаки составляют его образную схему. В свою очередь, микрополе БЫСТРЫЙ, скорее всего, получает развитие в микрополя четвертой периферийной зоны:

НЕ ГОТОВЫЙ (14 / 4%) и ОСТРЫЙ (10 / 3%) (о связи «быстрый» – «острый» см.: [Михалёв, 2018б, с. 426–427]). Для микрополя ОСТРЫЙ возможна и другая интерпретация, которая предложена для него в ФСП праиндоевропейского [N]: это признак, непосредственно связанный с формой носа, т.е. его заостренность.

Вывод, который можно из этого описания извлечь, я бы предложил следующий. Языковая картина мира – это тот же многослойный пирог, первичным слоем которого является речевой звук с его семиогенетическим потенциалом. Дальнейшая когнио- и лингвоспецифическая фокусировка определяет ее наполнение и контуры. Так, например, для индоевропейских языков (основываясь на праиндоевропейском) N воспринимается в большей степени как дентальный. Отсюда доминирующее макрополе СЖИМАТЬ. ФСП корейского N со своей стороны приводит к выводу о том, что доминирует назальная деятельность, в частности ДЫШАТЬ.

Список литературы

- Джукаева М.А.* Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 25 с.
- Зимова М.Д.* Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 17 с.
- Корейская. – URL: https://1drv.ms/u/s!AjGhcX_EtqyXvnuzOdDcsRgOoEFW
- Михалёв А.Б.* Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. – Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018б. – 518 с.
- Михалёв А.Б.* Фоносемантический профиль праиндоевропейских велярных согласных // Языковое бытие человека и этноса : сб. статей по материалам XIII Международных Березинских чтений. – Москва : ИНИОН. РАН, 2017. – Вып. 19. – С. 151–160. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_cheloveka_i_etnosa_2017-19.pdf
- Михалёв А.Б.* Фоносемантический профиль праиндоевропейских назальных согласных // Материалы VII межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». – Санкт-Петербург, 2018а. – С. 324–328.
- Михалёв А.Б., Корниенко А.А.* Фоносемантическое пространство и производительность праиндоевропейских корней с назально-дентальным согласным [N] // Вестник ПГУ. – 2018. – № 3. – С. 152–156.
- Назальные. – Режим доступа: https://1drv.ms/u/s!AjGhcX_EtqyXtSb148ArCtRhYg-

References¹

- Dzhukaeva, M.A. (2010). *Mezhjazykovye fonosemanticheskie svojstva spirantov (na materiale chechenskogo, russkogo i nemeckogo jazykov)*. Unpublished doctoral thesis. Pjatigorsk.
- Zimova, M.D. (2005). *Zvukoizobrazitel'nye tendencii nachal'nyh soglasnyh v nemeckom i novogrecheskom jazykah*. Unpublished doctoral thesis. Pjatigorsk.
- Korejskaja. Retrieved from: https://1drv.ms/u/s!AjGhcX_EtqyXvnuzOdDcsRgOoEFW
- Mikhalev, A.B. (2018b). *Teorija fonosemanticheskogo polja. Dvadcat' let spustja*. Pjatigorsk: Izd-vo PGU.
- Mikhalev, A.B. (2017). Fonosemanticheskij profil' praindovropejskih veljarnyh soglasnyh. In: *Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa. Sb. statej po materialam XIII Mezhdunarodnyh Berezinskih chtenij* (pp. 151–160). Moscow: INION RAN. Retrieved from: http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazkovoe_bytie_cheloveka_i_etnosa_2017-19.pdf
- Mikhalev, A.B. (2018a). Fonosemanticheskij profil' praindovropejskih nazal'nyh soglasnyh. In: *Materialy VII mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy jazykoznanija»* (pp. 324–328). Saint-Petersburg.
- Mikhalev, A.B., Kornienko, A.A. (2018). Fonosemanticheskoe prostranstvo i proizvodnost' praindovropejskih kornej s nazal'no-dental'nym soglasnym [N]. *Vestnik PGU*, 3, 152–156.
- Nazal'nye*. Retrieved from: https://1drv.ms/u/s!AjGhcX_EtqyXtSb148ArCtRhYG-

¹ Здесь и далее библиографические записи в разделе References оформлены в соответствии со стилем «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

Бокале П.

Русистика в Италии*

*Университет Инсубрия,
Италия, Комо, paola.bocale@uninsubria.it*

Аннотация. Русистика в Италии имеет более чем вековую историю, в течение которой количество кафедр русского языка увеличилось с первых двух-трех в 1920-х годах до 36 – сегодня. Истоки интереса Италии к русскому языку и культуре уходят в начало XX в., когда итальянско-русские отношения претерпели важную эволюцию на экономическом, политическом и культурном уровнях. основополагающую роль в продвижении и распространении русистики в Италии сыграл Этторе Ло Гатто, профессор русского языка и литературы в Римском университете, который в 1920 г. основал журнал «Россия», предоставляющий обширную информацию о русском языке и литературе. Значительный рост распространения знаний о русской культуре и преподавания русского языка, особенно на университетском уровне, наблюдался в 1960-е годы. На сегодняшний день русский язык преподается в 112 государственных средних школах, и в 36 итальянских государственных вузах.

Ключевые слова: изучение РКИ в Италии; итальянские русисты; итальянско-русские культурные отношения; русистика в современном мире.

Поступила: 22.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Бокале Паола, 2021

Bocale P.
Russian Studies in Italy*

*University of Insubria,
Italy, Como, paola.bocale@uninsubria.it*

Abstract. In Italy, the field of Russian Studies is more than a century old, and has seen the number of university Russian departments increase from just a couple in the early twenties to about forty today. The origins of Italy's interest in Russian language and culture are rooted in the early 20th century, when Italian-Russian relations underwent an important evolution at the economic, political and cultural level. A fundamental role in the promotion and dissemination of Russian Studies in Italy was played by Ettore Lo Gatto, who taught Russian at the University of Rome, and in 1920 founded the journal *Rossia*, which provided extensive information about the Russian language and literature. A boom in teaching Russian, especially at university level, was witnessed in the 1960s. Today, Russian is taught in 112 public secondary schools, and 36 public universities.

Keywords: Russian language studies in Italy; Italian Russianists; Italian-Russian cultural relations; Russian Studies in the contemporary world.

Received: 22.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Истоки интереса Италии к русскому языку и культуре уходят в начало XX в., когда итальянско-российские отношения претерпели важную эволюцию на экономическом, политическом и культурном уровнях. Открылся важный этап итальянско-русского дипломатического сближения и возрос интерес итальянской общественности к различным аспектам российской действительности [Lo Gatto, 1971].

* © Bocale Paola, 2021

Русская грамматика – издательский этап становления итальянской русистики

Первая русская грамматика для говорящих на итальянском языке – «Grammatica Russa» (Русская грамматика) Войновича – опубликована в Италии в 1897 г. Фактически это был небольшой буклет, основанный на формалистически-дедуктивном подходе и содержащий множество опечаток и ошибок. В конце XIX – начале XX в. публикация грамматик происходила в основном из-за надежды автора на то, что он получит кафедру русского языка в итальянском университете. Первая русская грамматика, опубликованная в Италии, связана с личной историей Войновича, который, как было установлено исследователями [Cifariello, 2019], предлагал себя преподавателем русского и сербохорватского языков в Восточном институте Неаполя.

За грамматикой Войновича последовала публикация других грамматик для изучения русского языка. Разбивка грамматик по месту издания позволяет определить основные полиграфические центры Италии для распространения русского языка в Милане и Турине. Издаются: в Милане для Ноерли – грамматика П.Г. Сперандео, для La Stampa Commerciale – грамматика Н. Романовской; в Турине для Вона – грамматика А. де Ровер Лисль, для Lattes – грамматика В. Мильетти и грамматика Р. Гутмана и А. Полледро [Cifariello, 2019].

Именно грамматика, написанная Полледро вместе с женой, была самой успешной – за 55 лет издательской жизни вышло девять изданий и несколько переизданий – она оказала огромное влияние на русистику в Италии в первые 50 лет ее существования, и используется для преподавания и изучения русского языка на протяжении многих поколений.

В первый послевоенный период (1922–1925) стремление супругов Полледро к распространению русского языка и литературы усилилось, что в конечном итоге привело к возникновению издательской фирмы, с которой прежде всего связано его имя, – это издательский дом «Славия», основанный в январе 1926 г. со штаб-квартирой в Турине. До этого итальянская культура знала великую русскую литературу поверхностно и фрагментарно (хотя уже в XIX в. появились переводы, сделанные непосредственно с русского); но после войны и Октябрьской революции потребность в более систематическом и сознательном подходе привела к популя-

ризаторской деятельности, но с сильным культурным осознанием, которой издательство «Славия» было наиболее важным представителем [Béghin, 2007].

Издание «Славия» опубликовало 57 томов полных переводов непосредственно с русского языка. Это была важнейшая инициатива итальянской культуры начала XX в. в области познания великой русской литературы. Вокруг «Славии» и Полледро собралась значительная группа превосходных переводчиков, как итальянского, так и русского происхождения, среди которых наиболее известны Ренато Поджиоли и Леоне Гинзбург, переводы которых часто переиздавались (а иногда и исправлялись) издательством Einaudi [Cazzola, 1979].

Журнал «Россия» – научный этап становления русистики в Италии

«Официальное рождение» славистики и русистики в Италии произошло в 1920 г. В октябре был опубликован первый номер журнала Этторе Ло Гатто «Россия», в Восточном институте в Неаполе возобновился курс русского языка и в Падуе открыли первую кафедру славянской филологии.

Основополагающую роль в зарождении итальянской русистики сыграл Этторе Ло Гатто. Ло Гатто родился в Неаполе в 1890 г., изучал право и философию, сначала увлекшись немецким языком и литературой, знание которых он углубил во время пребывания в Германии, участвовал в Первой мировой войне, во время которой был ранен и попал в плен в Австрии. Здесь он встретил русских офицеров, которые тоже были в плену, и познакомился с русским языком, как следует из этого отрывка его мемуаров: «Судьба распорядилась так, что в ящике стола в отведенной мне комнате я нашел три книги и письмо. Они были отправной точкой моего неустанный изучения русского языка, знание которого вскоре позволило мне расшифровать письмо и прочитав его авторов, представленных мне судьбой» (здесь и далее перевод автора этой статьи) [Lo Gatto, 1976, p. 10].

Ло Гатто вернулся в Италию с миссией распространения знаний о великой русской литературе. В 1921 г. он стал секретарем только что созданного Института Восточной Европы в Риме, а в следующем году начал свою академическую карьеру: он был первым преподавателем русского языка и литературы в Римском университете, руководил курсом славянской литературы в Неаполи-

танском университете, получил кафедру славянской филологии в Падуанском университете. Он продвигал культурные инициативы, устанавливал международные отношения, участвуя в абсолютно новаторской кампании по знакомству итальянской культуры с еще малоизвестной в Италии русской культурой [D'Amelia, 1987].

Ло Гатто определил цели своего журнала следующим образом: «Этим журналом я хотел дать читателю возможность связать свои знания беллетристической литературы с такими знаниями, которые позволили ему создать общую картину русской духовной жизни. [...] Делать так, чтобы итальянцы могли иметь дело не только с распространением, но и с реальным вкладом в славистику» [Lo Gatto, 1927, p. 464].

Журнал пользовался большим успехом и от тома к тому был обогащен историческими, философскими, художественными и музыкальными материалами, предоставляющими обширную информацию о русском языке и литературе, русской культуре и русском искусстве.

В долгой карьере Ло Гатто как ученого и учителя проявляются некоторые константы: внимание к изучению истории культуры, а не только истории литературы, понимаемой как многогранный и сложный феномен; политическая и гражданская приверженность, которая заставила его считать работу средством взаимопонимания между народами; дальновидность, которая дала ему возможность понять потенциальную важность глубокого познания русского мира. Ло Гатто умер в Риме в 1983 г. При жизни он был удостоен большого количества премий и наград за литературную и общественную деятельность.

Международный этап развития итальянской русистики

Значительный рост распространения знаний и преподавания русского языка, особенно на университетском уровне, наблюдался в 1960-е годы. Это связано с множеством факторов: запуском первого спутника; интенсификацией культурных связей; подготовкой итальянских преподавателей, проходящих разовую или повторную стажировку в СССР; учреждением первых культурных лингвистических ассоциаций с целью распространения знаний русского языка, среди которых МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы), созданная в 1967, и AIR (Associazione Italiana Russisti – Итальянская ассоциация русистов),

основанная в 1971; курсами, предлагаемыми Обществом «Италия – СССР», базирующимся в Риме с соответствующими летними семинарами повышения квалификации для преподавателей русского языка.

С начала 1970-х годов значительно возросла работа по переводу и распространению произведений русской литературы. Одновременно сложилась сильная лингвистическая школа по научному исследованию русского языка вокруг таких русистов-лингвистов, как Луцина Геберт в Риме и Франческа Джусти Фичи и Симонетта Синьорини во Флоренции. Появляются многочисленные журналы посвященные русистике и славистике, конференции, семинары и телевизионные курсы русского языка.

1980-е годы ознаменовались значительным ростом количества студентов, выезжающих на стажировку в СССР по линии Общества «Италия – СССР», и на основе министерских договоров [Lasorsa Siedina, 1996]. Вводится преподавание русского языка в средних школах. Итальянская ассоциация русистов, безусловно, сыграла ведущую роль в организации курсов, позволяющих преподавать русский язык и литературу, а также конкурсов на соискание профессуры для младших и старших классов средней школы. Однако до начала 1990-х годов, изучение русского языка в школах в Италии не было широко распространено, государственных школ с его преподаванием было очень мало. Данные, относящиеся к 1993 г., показывают, что только 11 итальянских средних школ второй ступени предлагали трехлетний или пятилетний циклы изучения русского языка с выпускными письменным и устным экзаменами, что является очень низким общим числом по сравнению с другими европейскими школами того времени.

После «Реформы Джелльмини» (закон по реформе итальянского образования, вступивший в силу с 2010 г.), в результате которой были реорганизованы средние школы и введен Лингвистический лицей в число государственных школ, сильно увеличилось количество школ, в которых русский язык преподается как второй или третий иностранный. В 2009–2010 учебном году было зарегистрировано 36 государственных и частных средних школ, в которых преподавался русский язык как первый / второй / третий иностранный. В 2020–2021 учебном году их число возросло до 112. Регионы с наиболее распространенным изучением русского языка с учетом количества классов и учителей – это Венето, Ломбардия, Эмилия-Романья и Тоскана [Ministero dell'Istruzione].

Стимулирование преподавания и изучения русского языка происходит также благодаря «Двустороннему соглашению о рас-

пространении итальянского языка в России и русского языка в Италии», подписанному в Риме 5 ноября 2003 г. министрами образования Моратти и Фурсенко [Pesenti, 2018]. Начиная с 2004 г., встречи и семинары для руководителей школ и учителей стали организовываться на национальном уровне, и между итальянскими и русскими школами были налажены побратимские связи, обмены и партнерские отношения. Общее количество учителей русского языка, работающих в государственных средних школах, сегодня составляет 144, но процент непостоянных учителей очень высок [Ministero dell'Istruzione].

Преподавание русского языка в вузах Италии

Что касается русского языка в итальянских университетах, на данный момент русский язык преподается в 36 итальянских вузах на факультетах иностранных языков и литературы, межкультурной и межкультурной коммуникации, факультетов переводчиков [Associazione Italiana degli Slavisti]. Обычно преподавание языка сопровождается курсами русской культуры и / или русской литературы.

Если принимать во внимание распределение кафедр русского языка и литературы в регионах Италии, то выходит, что наибольшее количество кафедр находится в Ломбардии, где русский язык преподается в четырех университетах, всего работает 16 постоянных профессоров, доцентов, и научных сотрудников-русистов. На втором месте Лацио с 14, на третьем – Венето с 12 русистами. Однако следует уточнить, что Ломбардия и Лацио – два самых густонаселенных региона Италии. Регион с меньшим количеством русистов – Сардиния, где работает только один профессор на кафедре русского языка в Кальяри, но есть также четыре региона, такие как Валле-д'Аоста, Молизе, Базиликата и Калабрия, где нет университетских кафедр русского языка [Associazione Italiana degli Slavisti].

Однако если считать количество профессоров, доцентов и научных сотрудников в зависимости от населения региона, то выходит, что наилучшее соотношение наблюдается во Фриули-Венеция-Джулии, регионе, где проживают всего 1 200 000 жителей, но имеются две кафедры русского языка в Триесте и Удине, на которых работают пять русистов. Вероятно, это объясняется географической близостью к Словении, единственной славянской стране, с которой граничит Италия, и присутствием в этом регионе словеноязычного меньшинства.

Основными вузами, которые готовят специалистов по русскому языку, являются Римский государственный университет «Ла Сапиенца», Университет Флоренции, Университет Венеции Ca' Foscari, Университет Инсубрия в Комо, Католический университет Святого Сердца, а также Падуанский университет, Павийский государственный университет, Миланский университет, университеты Неаполя, Лечче, Бари, Палермо, Катании, Сассари, Кальяри, Болоньи, Мачераты, Торино, Бергамо, Вероны, Пизы, Тренто, Удине, Генуи [Associazione Italiana degli Slavisti].

Согласно последним данным, представленным на портале Итальянской ассоциации славистов [ibid.], в итальянских университетах работает 101 русист. Это профессора, доценты и научные сотрудники получившие постоянное место после прохождения национального конкурса. Однако на курсах русского языка также преподают многие контрактные доценты, которых вузы нанимают только для преподавания определенного курса, часто продолжительностью 25–30 часов. По окончании курса трудовые отношения с определенным университетом заканчиваются. К сожалению, в последние годы в итальянских университетах наблюдается тенденция к увеличению количества доцентов, работающих по контракту, в ущерб постоянному персоналу [Venturi, 2018; Montalto Monella, 2018].

До университетской реформы конца 1990-х все языки, включая русский, преподавались в итальянских университетах на курсах литературы, чтобы студенты могли читать литературные произведения на том языке, на котором они написаны. Таким образом, основное внимание уделялось обучению письменному языку, а не устному. Студенты также должны были обязательно сдать экзамены по славянской филологии и истории русского языка, где основное внимание уделялось диахроническим аспектам языковой эволюции, а не синхронным. В 1999 г. реформа системы университетского образования сделала изучение языков автономной дисциплиной, не связанной с обязательностью изучения литературы и филологии.

В итальянских университетах на изучение иностранного языка обычно отводится 60 часов в семестре. Для многих итальянских университетов существует проблема больших групп, поскольку университеты не могут по итальянскому законодательству применять ограничения на набор студентов на основании результатов, достигнутых по окончании среднего образования. Большое количество студентов в группе и ограниченное количество учебных часов приводят к тому, что в учебной программе на коммуникативную

практику отводится мало времени. Вузы пытаются компенсировать слишком маленькую языковую практику организацией учебных поездок за границу для изучения иностранных языков. Университет Инсубрия, например, ежегодно проводит отбор для отправки около 50 студентов русского языка со стипендиями в Россию.

Заключение

Русистика в Италии имеет более чем вековую историю, в течение которой количество кафедр русского языка увеличилось с двух-трех в 1920-х годах до 36 – в настоящее время. Интерес к русскому языку и культуре из года в год растет. Несомненно, все более тесные и глубокие отношения, существующие между итальянскими и российскими университетами, будут способствовать дальнейшему улучшению сотрудничества между Италией и Россией в общем в области обучения иностранным языкам, а, в частности, в сфере развития русистики в Италии.

Список литературы

- Associazione Italiana degli Slavisti. – URL: <https://associazioneslavisti.com/>
- Béghin L. Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra.* – Bruxelles ; Roma : Belgish Historish Instituut te Rome, 2007. – 501 p.
- Cazzola P. La casa editrice «Slavia» di Torino, antesignana delle traduzioni letterarie di classici russi negli anni Venti-Trenta // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo.* – Milano : Cisalpino Goliardica, 1979. – 518 p.
- Cifariello A. La grammaticografia della lingua russa in italiano (1882–1917) // Lingue seconde e istituzioni. Un approccio storiografico.* – Bologna : Quaderni del Cirsil, 2019. – P. 47–67. – DOI: 10.6092/unibo/amsacta/6543
- D'Amelia A. Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis.* – 1987. – N 6. – P. 329–382.
- Lasorsa Siedina C. L'insegnamento del russo in Italia // Rassegna Italiana di Linguistica Applicata.* – 1996. – N 2. – P. 53–65.
- Lo Gatto E. Gli studi slavi in Italia // Rivista di letterature slave.* – 1927. – N 3. – P. 455–468.
- Lo Gatto E. Russi in Italia.* – Roma : Editori riuniti, 1971. – 322 p.
- Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia.* – Milano : Mursia, 1976. – 239 p.
- Ministero dell'Istruzione. Ministero dell'Università e della Ricerca. – URL: <https://www.miur.gov.it/>

- Montalto Monella L. Essere professore a contratto all'università...per 3,75 euro l'ora // EuroNews – 2018. – 26.01. – URL: <https://it.euronews.com/2018/01/26/essere-professore-a-contratto-all-universita-per-3-75-euro-l-ora>
- Pesenti C. Il syllabo della lingua russa. Licei. Quadro di riferimento unitario per l'insegnamento della lingua russa nella scuola secondaria di secondo grado. – Roma : MIUR, 2018. – 79 p.
- Venturi I. L'università sulle spalle dei precari // La Repubblica. – 2018. – 26.09. – URL: https://bologna.repubblica.it/cronaca/2018/09/26/news/l_universita_sulle_spalle_dei_precari_noi_professori_da_7_euro_all_ora_-300884391/

References

- Associazione Italiana degli Slavisti. Retrieved from: <https://associazioneslavisti.com/>
- Béghin, L. (2007). Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra. Brussel: Belgisch historisch instituut te Rome.
- Cazzola, P. (1979). *La casa editrice «Slavia» di Torino, antesignana delle traduzioni letterarie di classici russi negli anni Venti-Trenta*. In: La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Contributi al convegno di Gargnano, settembre 1978 (pp. 506–515). Milano: Cisalpino-Goliardica.
- Cifariello, A. (2019). La grammaticografia della lingua russa in italiano (1882–1917) (pp. 47–68). In: Vicentini, A., Lombardini, H.E. (Eds.), *Lingue seconde e istituzioni. Un approccio storiografico*. Bologna: Quaderni del Cirsil. – DOI: 10.6092/unibo/amsacta/6543
- D'Amelia, A. (1987). Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto. *Europa Orientalis*, 6, 329–382.
- Lasorsa Siedina, C. (1996). L'insegnamento del russo in Italia. *Rassegna Italiana di Linguistica Applicata*, 2, 53–65.
- Lo Gatto, E. (1927). Gli studi slavi in Italia. *Rivista di letterature slave*, 3, 455–468.
- Lo Gatto, E. (1971). *Russi in Italia*. Roma: Editori Riuniti.
- Lo Gatto, E. (1976). *I miei incontri con la Russia*. Milano: Mursia.
- Ministero dell'Istruzione. Retrieved from: <https://www.miur.gov.it/>
- Montalto Monella, L. (2018, January 28). *Essere professore a contratto all'università...per 3,75 euro l'ora*. Retrieved from: <https://it.euronews.com/2018/01/26/essere-professore-a-contratto-all-universita-per-3-75-euro-l-ora>
- Pesenti, M.C. (2018). *Il syllabo della lingua russa. Licei. Quadro di riferimento unitario per l'insegnamento della lingua russa nella scuola secondaria di secondo grado*. Roma: MIUR.
- Venturi, I. (2018, September 26). L'università sulle spalle dei precari. *La Repubblica*. Retrieved from https://bologna.repubblica.it/cronaca/2018/09/26/news/l_universita_sulle_spalle_dei_precari_noi_professori_da_7_euro_all_ora_-300884391/

Попова Е.А.

**Измерение времени
в испанском и русском языковом сознании:
репрезентация эволюционных процессов***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, o-genia@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются единицы темпорального тезауруса испанского и русского языков, отражающие стремление человека упорядочить время и взять его под контроль в разные исторические периоды. Краткий обзор эволюции измерения времени в двух культурах позволяет сделать вывод о значительном сходстве как происходящих в них процессов, так и их актуализации в исследуемых языках.

Ключевые слова: измерение времени; культура; языковое сознание; лексема; актуализация.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

Popova E.A.

Time measurement in Spanish and Russian language consciousness: representation of evolutionary processes*

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, o-genia@yandex.ru*

Abstract. The article deals with units of the temporal thesaurus in the Spanish and Russian languages, which reflect the human desire to regulate time and take it under control in different historical periods. A brief over-

* © Попова Е.А., 2021

* © Popova E.A., 2021

view of the evolution of time measurement in the two cultures allows to conclude that there is a significant similarity both in the processes occurring in them and in their actualization in the studied languages.

Keywords: time measurement; culture; linguistic consciousness; lexeme; actualization.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Начиная с эпохи Великих географических открытий и расцвета европейской научной мысли в XVI в., в культурах западно-европейских стран наблюдается стремление взять под контроль время через деление его на все более короткие отрезки и возможность их измерения [Marcos-Marín, De Miguel, 2009]. В России процесс осмысления времени «по-новому», в котором заметную роль сыграли Петровские реформы, заметен с начала XVIII в. [Берестнев, 2012].

Среди множества моделей времени безоговорочно выделяются две: циклическая и линейная. К циклической модели современные исследователи относят все единицы исчисления времени в пределах года: «Так, меньшую единицу рассматривают относительно другой, более крупной. Секунду – в пределах минуты, минуты – в пределах часа, час – в пределах суток и т.д.» [Ухналёва, 2021, с. 8]. Линейная модель, основными характеристиками которой выступают длительность и однонаправленность, представляется в виде оси, на которой расположены события.

Цель настоящей статьи – проследить, каким образом в русско- и испаноязычных культурах конкретизируются темпоральные модели циклического времени, с одной стороны, и формируется понимание включенности в историческое время как последовательность событий, связанных причинно-следственными отношениями – с другой, а также выявить способы отражения указанных процессов в соответствующих языках.

Час – основная единица измерения времени

Основной единицей измерения времени в западной цивилизационной модели со времен Римской империи и до обозначенного периода считался час – *la hora*. Римляне трактовали указанное понятие достаточно широко, и для них «час» мог представлять собой как определенную часть светового дня, который они делили на четыре части, так и некий момент времени. Эту идею подтверждает актуализация слова *hora* в значении «время» и «пора» (*es hora de comer* – «время / пора обедать»), своевременности и несвоевременности (*no es hora de discutir* – «[сейчас] не время спорить»). Кроме того, именно из романской эпохи в испанский язык пришли устойчивые сочетания, которые являются отголоском «центральной» позиции часа в системе измерения времени:

- *la hora de la verdad* (букв. «час истины») – «момент истины»;
- *la hora de la muerte* – «смертный час»;
- *a primera / última hora* – букв. «в час рождения / смерти»;
- *enhorabuena* (букв. «в добрый час») – поздравление с каким-либо событием или пожелание удачи.

Интересно отметить, что прямой перевод последней лексемы, являющейся композит-комплексом и происходящей от слияния адвербиальной конструкции *en hora buena* (словарь-тезаурус Х. Касареса (2007) фиксирует слитное и раздельное написание в качестве «абсолютных» дублетов, однако носители языка склоняются к тому, что первое на сегодняшний день более частотно [Marcos-Marín, De Miguel, 2009]), существует и в русском языке, хотя используется только в качестве напутствия при прощании.

В Средние века появляются так называемые «канонические часы» (исп. *horas canónicas*), связанные с временем молитв в монастырях и отражающие деление дня уже на 12 часов (ночные часы не считались). Отголоски такого представления можно найти в тезаурусе современного испанского языка Х. Касареса, где зафиксированы следующие отрезки времени: (*hora*) *prima* (букв. «первый час [дня]» – 6:00), *tercia* (букв. «третий час» – 9:00), *sexta* (букв. «шестой час» – полдень), *nona* (букв. «девятый час» – 15:00) [Casares, 2007], и в этимологии некоторых испанских реалий. Например, «сиеста» (*la siesta*) – самое жаркое время суток, когда в испаноязычных странах большинство учреждений делают перерыв в работе на несколько часов, произошло от сочетания *hora sexta* обозначавшего полдень [Diccionario etimológico castellano en línea].

Для обозначения одной двадцать четвертой части суток слово *hora* испанцы начали использовать только в эпоху Нового времени.

В русской культуре понятие *час* также относится к глубинному слою языкового сознания и обладает не только количественным значением, но и качественными характеристиками – «неким потенциалом неопределенности и возможностью к обобщению, типологизации описываемого временного отрезка» [Яковлева, 1997, с. 267]. Как и в испанском языке, здесь в определенных контекстах встречаются синонимичные пары *час – минута*, *час – момент*, *час – пора / отрезок времени*, а в семантике самой лексемы присутствуют следующие компоненты [там же, с. 267–280]:

- переломное время в судьбе человека (*час расплаты / покаяния*);
- неотвратимость (*час пробил*);
- антропоцентричность (*часом* могут быть отмечены рождение и смерть);
- своевременность или несвоевременность (*урочный / неурочный час*).

Таким образом, в сравниваемых культурах понятия, обозначаемые парой *la hora vs час*, исторически являются центральными в системе измерения времени, отражаясь в их актуализации, а ключевым моментом в осознании человеком себя выступает концепт *ahora – сейчас*, который, по утверждению немецкого лингвиста Г. Фатера, нельзя охватить физическим временем, поскольку тот служит исходной точкой для описания временных отношений в языке, будучи непосредственно обусловленным позицией говорящего «я» [Vater, 1994, S. 19]. Данное понятие «может мыслиться вне какой-то последовательности», поскольку «о часе можно сказать *теперь и всегда*» [Яковлева, 1997, с. 275].

Развитие измерительных приборов и новые значения темпоральности

Дробление суточного круга на все более мелкие отрезки привело к пониманию времени как чего-то ускользающего, хотя изречение *fugit irreparabile tempus* («время неуловимо убегает») принадлежит еще перу Вергилия. Тем сильнее становится стремление человека как можно точнее измерить время, а значит – подчинить его себе. В этом процессе первостепенную роль начинают

играть часы как символ «объективного» времени, поскольку именно они были призваны показывать точный период, за который Земля совершает оборот вокруг своей оси, для удобства разделенный на 24 часа. Часовой механизм представлялся как нечто очень сложное, поэтому первые механические часы были настолько дорогими и тяжелыми, что могли находиться только в собственности монастырей и соборов, а позже – также дворцов или мэрии [Marcos-Marín, De Miguel, 2009, p. 146–147]. Образ сложности часового механизма находит отражение в испанской поговорке *aquí el más tonto hace relojes* («здесь даже самый глупый делает часы»), означающей ловкость и недюжинный ум жителей определенной местности.

Начиная с XVI в., часы активно используются в научных расчетах, в первую очередь – в мореплавании. Постепенно уменьшаясь в размерах, часы снижаются в цене и становятся все более доступными, в связи с этим торговые сделки перестают зависеть от размытых договоренностей. В XVIII в. в испанском языке появляется поговорка *Un minuto antes de la hora no es la hora, un minuto después de la hora tampoco es la hora* («Минута до или минута после [назначенного] времени – это не [назначенное] время»), а в XIX в. типичными уличными часами становятся часы железнодорожных вокзалов. В это же время в моду входят карманные часы как привилегия мужчин и символ буржуазного комфорта. В XX в. товаром массового потребления становятся наручные часы, многие из которых имеют даже секундную стрелку, а к концу века ими пользуются уже не только взрослые, но и дети.

Современный человек, как правило, узнает время с помощью других устройств: мобильного телефона, смартфона или компьютера, в связи с этим наручные часы постепенно превращаются просто в дань моде, аксессуар или способ подчеркнуть достаток или определенное социальное положение. В то же время в нашем сознании часы продолжают ассоциироваться с точностью: сравнение *как часы* (исп. *como un reloj*) и в русском, и в испанском языках означает, что человеческий организм или какой-либо прибор работают очень хорошо. Кроме того, указанное сравнение в русском языке актуализируется в значении пунктуальности. Испанцы же говорят, что у человека «остановились часы» (*se le ha parado el reloj*), имея в виду проблемы со здоровьем.

Сегодня в языковом сознании многих народов время осмысливается, в первую очередь, как ресурс, которым необходимо правильно распоряжаться, в связи с чем «в языке отчетливо обозначилась тенден-

ция к осмыслению темпоральной протяженности принципиально малых отрезков времени» [Берестнев, 2012, с. 262]. Как отмечает М.Н. Коннова, в указанных изменениях концептуализации темпорального опыта основополагающую роль сыграли «глобальные трансформации технологического, промышленного, социального и интеллектуального характера», при этом «техноцентрическая модель, в силу своей сравнительной новизны, лишена статичности и в настоящее время все еще продолжает оформляться как на когнитивном уровне, так и в виде словесных экспликаций» [Коннова, 2018, с. 18–19].

Современные технологии обусловили появление таких устойчивых выражений, как *стоимость минуты*, *цена за минуту* (исп. *el precio por un minuto*), *iTime* («мобильное время», заимствованный термин, существующий на данный момент в неизменном виде как в русском, так и в испанском языках), *в реальном времени* (исп. *en tiempo real*). Необходимо отметить, что последнее является в обоих языках калькой с английского *in real time* и, несмотря на высокую частотность употребления, периодически подвергается критике испаноязычными филологами, поскольку прилагательному *real*, с одной стороны, также соответствует значение «королевский», а с другой – противопоставляется характеристика *irreal* («вымышленный»), что, по мнению колумбийского лингвиста А. Грихельмо, делает подобное сочетание абсурдным [Grijelmo, 2005, p. 205–206]. Тем не менее можно сделать вывод, что приведенные выражения прочно вошли в современный язык и соответствуют непрекращающимся попыткам упорядочения, рационализации времени и управления этим ценным ресурсом.

К средствам, позволяющим нам «ориентироваться, приспосабливать свою деятельность ко времени и тем самым воздействовать на естественный ход событий и придавать им желаемую временную структуру» [Потаенко, 2006, с. 76], относятся также расписания, календари и ежедневники, программы, графики движения транспорта и т.д. Связанные с измерением и упорядочением времени предметы (часы, ежедневники, календари) как в России, так и в Испании зачастую преподносятся в качестве подарка. По мнению испанских исследователей Ф. Маркос-Марина и А. де Мигеля, такие подарки являются своеобразной «компенсацией» за то, что время «угнетает» человека, напоминая ему о его обязанностях. Сюда же входит и празднование дня рождения, где поздравления достаются не матери, а ребенку за то, что прожил эти годы, т.е. течение времени воспринимается либо как заслуга человека, либо – как счастливая случайность [Marcos-Marín, De Miguel, 2009, p. 149].

Выводы

В рамках краткого обзора не представляется возможным подробное рассмотрение единиц, относящихся к лексике измерения времени в двух языках, однако на основании описанного материала можно сделать вывод о том, что эволюционные процессы измерения времени являются сходными, если не идентичными, в обеих культурах. Так, понятие часа выступает исторически центральным компонентом измерения времени как в русском, так и в испанском языковом сознании, что находит отражение в одинаковых компонентах значения лексем *la hora* и *час* и их репрезентации в исследуемых языках. Похожим образом в двух культурах актуализируются и представления о часовом механизме, хотя в испанском языке, кроме точности, значение лексемы *reloj* («часы») включает и компонент сложности.

Современного человека, живущего в ускоренном темпе в эпоху стремительного технического прогресса, «не покидает мысль о быстротечности отпущенного ему на земле времени» [Нильсен, 2015, с. 28], что находит отражение в языке. Таким образом, сходным в исследуемых культурах можно назвать и сегодняшнее восприятие времени как ресурса; при этом многие русско- и испаноязычные устойчивые выражения, характеризующие данный образ, являются калькой английских сочетаний.

Список литературы

- Берестнев Г.И.* Время в русской языковой ментальности на рубеже XX–XXI веков: бытие по законам детективного жанра // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / под общ. ред. В.И. Заботкиной. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 255–263.
- Коннова М.Н.* Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2018. – 52 с.
- Нильсен Е.А.* Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 41 с.
- Потаенко Н.А.* Время в индивидуальной картине мира // Проблема времени в культуре, философии и науке / под ред. В.С. Чуракова. – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 68–79. – (Библиотека времени; вып. 3).

- Ухналёва Е.А. Лингвокогнитивные особенности вербализации категории ВРЕМЯ (на материале английского, французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород : Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2021. – 22 с.
- Яковлева Е.С. Час в системе русских названий // Логический анализ языка. Язык и время / под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. – Москва : Индрик, 1997. – С. 267–280.
- Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. – Barcelona : Editorial Gustavo Gili S.L., 2007. – 891 p.
- Diccionario etimológico castellano en línea. – URL: <http://etimologias.dechile.net/> (дата обращения: 01.05.2021).
- Grijelmo A. La punta de la lengua. – Madrid : Suma de Letras S.L., 2005. – 336 p.
- Marcos-Marín F.A., De Miguel A. Se habla Español. – Madrid : Biblioteca Nueva, 2009. – 284 p.
- Vater H. Einführung in die Zeitlinguistik. – Hürth-Efferen : Gabel Verlag, 1994. – 121 S.

References

- Berestnev, G.I. (2012). Vremya v russkoj yazykovej mental'nosti na rubezhe XX–XXI vekov: bytie po zakonam detektivnogo zhanra [Time in Russian language mentality at the turn of the 20th – 21st centuries: being according to the laws of the detective genre]. In: Zobotkina, V.I. (ed.) *Rossiya: izmenyayushchij obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Reprezentaciya koncepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s anglijskim i nemeckim yazykami* (pp. 255–263). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi.
- Konnova, M.N. (2018). *Kategorizaciya temporal'nogo opyta v anglijskom i russkom yazykah* [Categorization of temporal experience in English and Russian languages]. Unpublished doctoral thesis. Moscow.
- Nil'sen, E.A. (2015). *Lingvokognitivnye modeli evolyucii temporal'nyh nominacij (na materiale anglijskogo yazyka)* [Linguocognitive models of evolution of temporal nominations (on the material of English language)]. Unpublished doctoral thesis. Saint-Petersburg.
- Potaenko, N.A. (2006). Vremya v individual'noj kartine mira [Time in the individual picture of the world]. *Biblioteka vremeni: Problema vremeni v kul'ture, filosofii i nauke*, 3, 68–79.
- Uhnalyova, E.A. (2021). *Lingvokognitivnye osobennosti verbalizacii kategorii VREMYA (na materiale anglijskogo, francuzskogo i russkogo yazykov)* [Linguocognitive peculiarities of verbalization of TIME category (on the material of English, French and Russian languages)]. Unpublished doctoral thesis. Belgorod.
- Yakovleva, E.S. (1997). Chas v sisteme russkih nazvanij. [Hour in the system of Russian names]. In: Arutyunova, N.D., Yanko, T.E. (eds.) *Logicheskij analiz yazyka: Yazyk i vremya* (pp. 267–280). Moscow: Indrik.
- Casares, J. (2007). *Diccionario ideológico de la lengua española*. Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.L.
- Diccionario etimológico castellano en línea*. Retrieved from: <http://etimologias.dechile.net/>
- Grijelmo, A. (2005). *La punta de la lengua*. Madrid: Suma de Letras, S.L.
- Marcos-Marín, F.A., De Miguel, A. (2009). *Se habla Español*. Madrid: Biblioteca Nueva.
- Vater, H. (1994). *Einführung in die Zeitlinguistik*. Hürth-Efferen: Gabel Verlag.

Трошина Н.Н.

**Моноязычие современного научного дискурса
и изменения в немецком научном когнитивном стиле***

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Россия, Москва, troshinat@mail.ru*

Аннотация. Научный дискурс формируется под влиянием национально-специфичного когнитивного стиля. Однако в связи с интенсивным влиянием английского языка на все важные сферы коммуникации, в том числе и на научную, в немецкоязычном научном дискурсе обнаруживается тенденция к адресатоцентричности текстов на фоне традиционной адресантоцентричности. Это свидетельствует о некоторых изменениях в германском когнитивном стиле в сторону саксонского когнитивного стиля (типология по Й. Гальтунгу).

Ключевые слова: когнитивный стиль; типология интеллектуальных стилей; научный дискурс; лингвокультурная специфика научного текста; адресатоцентричность текста; адресантоцентричность текста.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Трошина Н.Н., 2021

Troshina N.N.

Monolingualism of modern scientific discourse and changes in the German scientific cognitive style*

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, troshinat@mail.ru

Abstract. Scientific discourse is shaped by a nationally specific cognitive style. However, due to the intense influence of the English language on all important areas of communication, including the scientific one, in the German-language scientific discourse there is a tendency for the texts to be addressee-centered against the background of the traditional addressee-centeredness. This indicates some shifts in the German cognitive style towards the Saxon cognitive style (typology according to J. Galtung).

Keywords: cognitive style; typology of intellectual styles; scientific discourse; linguocultural specificity of the scientific text; the recipient-centricity of the text; sender-centricity of the text.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Абсолютное преобладание английского языка в современном научном дискурсе является очевидной и потому неоспоримой характеристикой современной глобальной лингвосферы, в которой на этом языке говорят уже 1,8 млрд человек (с учетом 1,5 млрд выучивших его как иностранный) [Москалёва, Акоев]¹. Как следует из графика «Доля англоязычных и неанглоязычных публикаций в Web of Science и Scopus», доля англоязычных научных текстов достигает в обоих индексах 95%:

Неудивительно, что экс-президент Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG) Хуберт Маркль сказал: *Spitzenforschung spricht englisch!* Это вполне соответствует принципу *English only!* В соперничестве двух

* © Troshina N.N., 2021

¹ Английский и французский – это те два языка, число выучивших которые превышает число тех, для кого они являются родными языками [Москалёва, Акоев].

признанных языков мировой науки – английского и немецкого – немецкий потерял свои ведущие позиции, которые он, безусловно, удерживал до середины XX в.

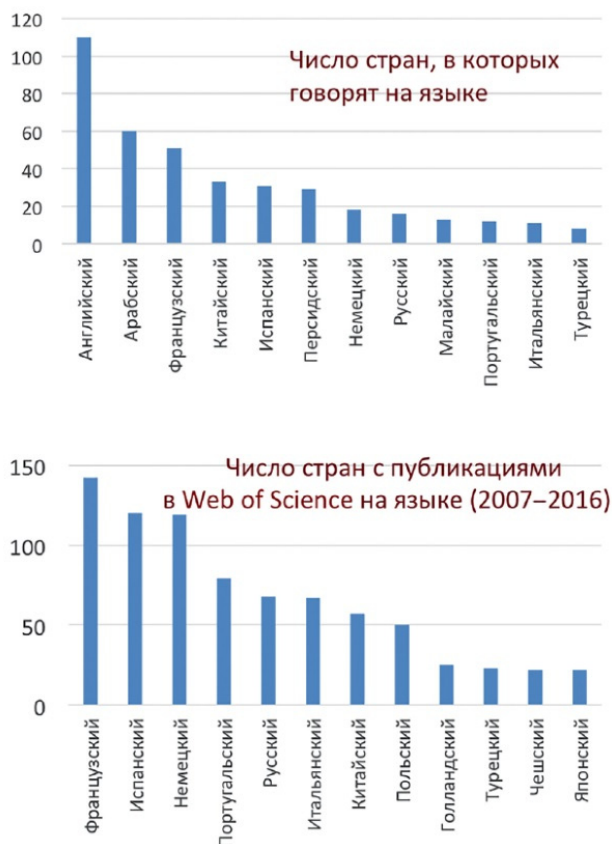

Рис. 1. Топ стран, в которых говорят и пишут научные статьи на разных языках

В специальной литературе по вопросу языкового доминирования в различных дискурсах и, соответственно, проникновения в речевые практики различных лингвокультур неоднократно отмечается, что мощное воздействие чужого языка сопровождается трансфером в принимающую культуру инокультурных ценностей, установок, моральных моделей и речевых практик [Gehrmann, 2015, S. 118; Koreik, 2019, S. 57]. Представляется небезосновательным предположение, что под интенсивным воздействием англо-

американской лингвокультуры может постепенно изменяться и когнитивный стиль немецкой письменной научной коммуникации, т.е. те ее характеристики, которые отражают традиционную для немецкой культуры специфику научного мышления [Koreik, 2019, S. 57–58].

Понятие когнитивного стиля как комплекса индивидуальных особенностей восприятия, анализа, категоризации и воспроизведения информации было введено психологами в 50–70-е годы XX в. М. А. Холодная уточняет это понятие как «особенности устройства и функционирования индивидуального ума» [Холодная, 2002, с. 17]. Дополнительное уточнение в трактовку этого понятия вносит Е.Л. Софроненкова, которая видит в когнитивном стиле научного мышления «канонический нормирующий образец, форму ценностной рефлексии над наукой, ... способ постановки научных проблем, научной аргументации и представления научного результата сообществу конвенциональным способом» [Софроненкова, 2014, с. 6].

Существует типология интеллектуальных стилей, разработанная норвежским философом Йоханом Гальтунгом, который дифференцировал англо-американский (саксонский), германский (тевтонский), французский (галльский) и японский (ниппонский) интеллектуальные стили [Galtung, 1985], соответствующие определенным характеристикам, обнаруживаемым в структуре научных текстов, написанных на английском, немецком, французском и японском языках. Исследования в этом направлении развиваются весьма активно, причем не только на материале перечисленных языков, но и на базе, например, русского и польского языков [Прокопчук, 2010].

Было бы некоторым преувеличением сказать, что классификация Й. Гальтунга получила безоговорочное признание, но она, безусловно, популярна у специалистов в области научного дискурса. Проблема заключается, с одной стороны, в том, что стиль письменных научных публикаций имеет некоторые общие черты независимо от того, каким является родной язык автора, а с другой – индивидуальный опыт многих участников письменной научной коммуникации говорит им о том, что все же существуют некоторые национально-культурные особенности письменных научных текстов в плане их организации и приводимой научной аргументации.

Понятие лингвокультурной специфики текста соотносится с понятием национального характера как такового (см., например: [Бауэр]). И хотя последнее понятие трактуется по-разному, в том

числе и по причине присутствия в каждом народе различных психологических типов, все же следует согласиться с А.В. Юревичем, что некоторые психологические типы встречаются в одних культурах чаще, чем в других [Юревич, с. 288].

Лингвокультурная специфика текста как продукта письменной / устной речевой коммуникации, реализуемой в определенном дискурсивном пространстве, не сразу стала объектом внимания исследователей. В 1981 г. Р.-А. де Богранд и В.У. Дресслер [Beaugrande, Dressler, 1981] перечислили семь критериев, которым должен удовлетворять текст как продукт речевой коммуникации: когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуациональность, интертекстуальность. Только 11 лет спустя немецкая исследовательница Улла Фикс обратила внимание коллег на важность лингвокультурной принадлежности автора текста (публикации У. Фикс выполнены на материале самых различных текстов – художественных, публицистических, повседневных, но не научных) и, соответственно, на важность культурной маркированности текста (Textkulturalität) [Fix, 1992]. В настоящее время этот параметр широко признан в качестве лингвокультурной специфики текста как вербального феномена, в котором реализуется коммуникативное действие. Культура трактуется как система, определяющая модели коммуникативного поведения, в том числе и речевого [Linke, 2008, S. 46]. Сегодня, в эпоху неоспоримого влияния английского языка на все важнейшие сферы коммуникации вопрос о лингвокультурной маркированности текста рассматривается в следующих аспектах: изменяется ли этот параметр под интенсивным влиянием англоязычной письменной культуры? Как это проявляется в различных дискурсах?

Влияние англо-американского (саксонского) научного когнитивного стиля на германский (тевтонский) научный когнитивный стиль

Согласно типологии интеллектуальных стилей по Й. Гальтунгу, англо-американский (саксонский) научный когнитивный стиль характеризуется несложностью поверхностной структуры текста, доступностью изложения, диалогичностью, т.е. ориентированностью на читателя. Приоритетным для автора такого текста является донесение сообщаемого знания до читателя.

В отличие от автора англоязычного научного текста, автор немецкоязычного научного текста видит свою цель, прежде всего, в сообщении самого знания, причем на фоне вводимого уже имеющегося в данной области знания. Это делается через включение в текст многочисленных ссылок на уже выполненные исследования и на устоявшиеся, а также на альтернативные точки зрения. В результате формируется информационно и интертекстуально плотный текст. Воспринять и понять его – задача читателя. Таким образом, отличительную черту «германского» интеллектуального стиля Й. Гальтунг видит в подчеркнутой теоретизированности научного текста, а также в минимальной включенности эмпирических данных непосредственно в ткань текста (таблицы и схемы, содержащие эти данные, обычно выносятся в приложение). По распространенному мнению, эти особенности немецких научных текстов обуславливают их элитарность: они традиционно признаются трудными для чтения.

Как следует из вышесказанного, причина этого состоит в различной коммуникативно-прагматической установке авторов англо- и немецкоязычных текстов: *адресатоцентричной* в первом случае и *адресантоцентричной* – во втором. Отметим, что в немецкой научной традиции популярность и доступность изложения издавна считались нарушением нормы академического стиля и не способствовали научному престижу автора.

В.Е. Чернявская объясняет такие расхождения в речевых практиках, типичных для англоязычного и немецкоязычного научного дискурса, различиями в системе национально-культурных ценностей и конвенциональных представлений. Такие черты, как подчеркнутая точность изложения, педантичность, добросовестность при выражении научной преемственности – то, что принято считать основательностью и аккуратностью, столь свойственным немецкой культуре, обуславливают в немецком научном стиле большее внимание к содержанию знания как таковому. Эти черты являются отражением национально-маркированного стиля мышления ученого [Чернявская, 2012, с. 161].

Для исследования национальной специфики когнитивного научного стиля важен анализ научных текстов, написанных носителями того языка, на котором опубликован текст. В этом плане интересны результаты исследований М. Клайна, на которые ссылается В.Е. Чернявская: «Некоторые специалисты в области естественных и точных наук прямо заявили о неприемлемости их “немецких норм” для английского стиля научных публикаций.

Гуманитарии, специалисты в области лингвистики и социальных наук ощущали себя в “тисках двух мировидений” (“caught between two worlds”) и заявляли, что их немецкий стиль богаче, сложнее нежели английский, который представляется им более тривиальным. Некоторые опрашиваемые ученые признавались, что “были не поняты английскими коллегами в том смысле, что многие важные и потому пространно описанные идеи оценивались английскими читателями как нерелевантные”» [Clyne, 1991, p. 64; цит. по: Чернявская, 2012, с. 162].

Сегодня, однако, в немецком научном дискурсе наблюдаются некоторые когнитивно-стилистические изменения. Весьма вероятно, что это происходит под влиянием саксонского интеллектуального стиля и реализующих его речевых практик: вырисовывается тенденция к большей *адресатоцентричности* немецких научных текстов, т.е. к большей доступности научного изложения [Чернявская, Закарян, 2014, с. 13].

Приведем пример из монографии крупнейшего немецкого социолингвиста Ульриха Аммона «Место немецкого языка в современном мире» [Ammon, 2015], убедительно показавшего в этой книге (как и в других своих публикациях) огромную роль немецкого языка в европейской науке и с горечью констатировавшего утрату немецким языком ведущих позиций в научном дискурсе. Названная монография написана доступным немецким языком, с использованием синтаксически прозрачных конструкций, недлинных предложений, без так называемых «Schachtelsätze». Ученый как бы беседует со своим читателем, приглашает его к продолжению исследований в описываемых областях, даже формулирует постановку проблем, которые ждут своих исследователей. Таким образом, в этом немецком научном тексте непосредственно реализуется принцип диалогичности, свойственный саксонскому интеллектуальному когнитивному стилю.

Другой особенностью научного стиля названного автора является популярность изложения, для чего У. Аммон рассказывает о некоторых эпизодах из своей жизни, иллюстрирующие определенные аспекты своей научной концепции. Так, он рассказывает об одном опросе, который он провел в токийском супермаркете накануне (западноевропейского) Рождества: «В супермаркете все время звучала мелодия “Тихая ночь, святая ночь”. Я опросил покупателей, в какой стране была сочинена эта мелодия. Из 20 опрошенных 19 назвали США, только один – Германию (не Австрию!). Возможно, свою роль сыграло то, что я, недостаточно владея японским языком, спрашивал

по-английски, а также то, что мелодия звучала на английском языке (“Silent Night”). Однако преимущественная ассоциация мелодии с США свидетельствует о том, что чужая культура (в данном случае, австрийская. – *Н.Т.*) ассоциируется с тем языком, который чаще всего изучается как иностранный и используется в данной стране (в данном случае, в Японии. – *Н.Т.*)» [Ammon, 2015, S. 87]. Итак: рождественскую песню «Тихая ночь, святая ночь», мелодию которую сочинил австриец Франц Грубер, а слова написал также австриец Йозеф Мор, большинство покупателей токийского супермаркета считают американской (даже не английской).

Заключение

В заключение статьи подчеркнем, что лингвокультурная специфика научного стиля в письменной научной коммуникации, определяемая национально-культурными особенностями когнитивного стиля автора, существенно влияет на восприятие научного текста адресатом, упрощая или усложняя это восприятие. Это зависит от степени соответствия организации текста конвенциональным способам представления научных наблюдений и их результатов, т.е. способам, типичным для принимающей культуры. Можно предположить, что доминирующая прагматичная ориентация современного вербального общения в большей степени коррелирует с адресатоцентричностью англоязычных научных текстов, чем с традиционной адресантоцентричностью немецкоязычных научных текстов.

Список литературы

- Бауэр О.* Национальный характер и национальный темперамент. – URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=8256> (дата обращения: 20.08.2021).
- Москалёва О.В., Акоев М.А.* Публикации на разных языках в индексах цитирования, или Есть ли шанс у русского языка в науке? – URL: <http://www.unkniga.ru/kultura/8295-publikatsii-na-raznyh-yazykah-v-indeksah-tsitirovaniya-est-li-shans.html> (дата обращения: 29.03.2021).
- Прокочуж К.А.* Национально-культурные особенности польского и русского научных стилей (в свете классификации интеллектуальных стилей по Й. Гальтунгу) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – Olsztyn, 2010. – N 1. – S. 331–349.

- Софроненкова Е.Л.* Лингвокультурная специфика научного текста (на материале англоязычных научно-теоретических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 17 с.
- Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. – Москва : ПЭРСЭ, 2002. – 384 с.
- Чернявская В.Е.* Может ли ученый мыслить национально-специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен // Университетский научный журнал. – Санкт-Петербург, 2012. – № 2. – С. 156–163.
- Чернявская В.Е., Закарян С.С.* Культурная маркированность текста: лингвистика текста в межкультурной проекции // Филологические науки. – 2014. – № 2. – С. 10–16.
- Юревич А.В.* Социально-психологические особенности русского научного мышления. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psiologicheskie-osobennosti-rossiyskogo-nauchnogo-myshleniya/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – Berlin : München ; Boston : de Gruyter, 2015. – XVII, 1295 S.
- Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U.* Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 188 S.
- Clyne M.* The sociocultural dimension: the dilemma of the German-speaking scholar // Subject-oriented texts. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. – P. 49–67.
- Fix U.* Textsorte – Textmuster – Textmuster Mischung: Konzept und Analysebeispiele // Cahiers d'Etudes Germaniques. Textlinguistik: An- und Aussichten. – Paris, 1992. – Jg. 2, N 37. – S. 11–25.
- Galtung J.* Struktur, Kultur und intellektueller Stil. Ein vergleichender Essay über sachsenische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft. – Berlin : F.U. Berlin, 1985. – 42 S.
- Gehrmann S.* Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung // Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive. – München ; New York : Waxmann, 2015. – S. 117–156.
- Koreik U.* Warum auch die Sprachenfrage die Zukunft unserer Demokratien bedroht // Zagreber germanistische Beiträge. – Zagreb, 2019. – H. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. – S. 55–67.
- Linke A.* Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung: Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation // Sprache, Kognition, Kultur. – Berlin ; New York, 2008. – S. 24–50.

References

- Baujer, O. *Nacional'nyj karakter i nacional'nyj temperament* [National character and national temperament]. Retrieved from <https://monographies.ru/ru/book/section?id=8256> (accessed: 20.08.2021).
- Moskaljova, O.V., Akoev, M.A. *Publikacii na raznyh jazykah v indeksah citirovanija, ili Est' li shans u russkogo jazyka v nauke?* [Publications in different languages according to the citation indexes or Does the Russian language have any chance in sci-

- ence?]. Retrieved from: <http://www.unkniga.ru/kultura/8295-publikatsii-na-raznyh-yazykah-v-indeksah-tsitirovaniya-est-li-shans.html>
- Prokopchuk, K.A. (2010). Nacional'no-kul'turnye osobennosti pol'skogo i russkogo nauchnyh stilej (v svete klassifikacii intellektual'nyh stilej po J. Galtungu) [Cultural and linguistic specifics of Polish and Russian scientific styles (according to the classification of intellectual styles by J. Galtung)]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, 1, 331–349.
- Sofronenkova, E.L. (2014). *Lingvokul'turnaja specifikaja nauchnogo teksta (na materiale anglojazychnykh nauchno-teoreticheskikh tekstov)* [Linguocultural specifics of scientific text (based on material of English scientific theoretical texts)]. Unpublished doctoral dissertation. Saint-Petersburg: Lomonosov Northern (Arctic) Federal University.
- Holodnaja, M.A. (2002). *Kognitivnye stili: o prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles: About the nature of individual mind]. Moscow: PER SE.
- Chernyavskaya, V.E. (2012). Mozhet li uchenyy myslit' natsional'no spetsifichno? Kognitivnyy stil' kak monokulturnyy fenomen [Can a scientist think in a specifically national way? Cognitive style as a monocultural phenomenon]. *Universitetskij nauchnyy zhurnal*, 2, 156–163.
- Chernjavskaja, V.E., Zakarjan, S.S. (2012). Kul'turnaja markirovannost' teksta: Lingvistika teksta v mezhkul'turnoj proekcii [Cultural markedness of text: Text Linguistics in intercultural projection]. *Filologicheskie nauki*, 2, 10–16.
- Jurevich, A.V. *Social'no-psihologicheskie osobennosti russkogo nauchnogo myshlenija* [Social psychological aspects of Russian scientific thinking]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-rossijskogo-nauchnogo-myshleniya/viewer>
- Ammon, U. (2015). *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*. Berlin, München, Boston : de Gruyter.
- Beaugrande, R.-A. De, Dressler, W.U. (1981). *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer.
- Clyne, M. (1991). The sociocultural dimension: the dilemma of the German-speaking scholar. In: Schröder, H. (ed.) *Subject-oriented texts* (pp. 49–67). Berlin, New York: de Gruyter.
- Fix, U. (1992). Textsorte – Textmuster – Textmuster Mischung: Konzept und Analysebeispiele. *Cahiers d'Etudes Germaniques. Textlinguistik: An- und Aussichten*, 2(37), 11–25.
- Galtung, J. (1985). *Struktur, Kultur und intellektueller Stil. Ein vergleichender Essay über saxonische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft*. Berlin : F.U. Berlin.
- Gehrmann, S. (2015). Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung. In: Gehrmann, S., Helmchen, J., Krüger-Potratz, M., Ragutt, F. (eds.) *Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive* (S. 117–156). München, New York: Waxmann.
- Koreik, U. (2019). Warum auch die Sprachenfrage die Zukunft unserer Demokratien bedroht. *Zagreber germanistische Beiträge*. Zagreb, 28: Anglophonisierung der Wissenschaftssprache, 55–67.
- Linke, A. (2008). Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung: Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation. In: Kämper, H., Eichinger, L. (eds.) *Sprache, Kognition, Kultur* (S. 24–50). Berlin, New York: de Gruyter.

Таймур М.П.

**Повседневная лингвокреативность
в мономодальных и мультимодальных метафорах***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, mariataymour@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ феномена креативности в мономодальных визуальных и мультимодальных вербально-визуальных метафорах, а также изучение их когнитивного и прагматического функционирования на примере дорожных знаков как повседневной метафоры. Результаты исследования показали, что когнитивный диссонанс, возникающий у реципиента при инференции значения определенных знаков, полезен при их использовании в качестве арт-объектов / рекламы / выражения юмора / критики и недопустим в контексте дорожного движения, поскольку это может приводить к аварийным ситуациям и другим нежелательным последствиям.

Ключевые слова: мономодальная метафора; мультимодальная вербально-визуальная метафора; механизм компрессии; языковая экономия; когнитивный диссонанс.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Таймур М.П., 2021

Taymour M.P.
Everyday linguistic creativity
in monomodal and multimodal metaphors*

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, mariataymour@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the phenomenon of creativity in monomodal visual and multimodal verbal-visual metaphors. Their cognitive and pragmatic functioning is being studied using the example of road signs as an everyday metaphor. The results of the study show that the cognitive dissonance which is evoked in a recipient while inferring the meaning of certain signs is useful when the latter are exploited as art objects / advertising / humor / criticism, and is unacceptable in the context of road traffic, since this can lead to emergency situations and other undesirable consequences.

Keywords: monomodal metaphor; multimodal verbal-visual metaphor; compression mechanism; language economy; cognitive dissonance.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

В современном мире, характеризующемся динамизмом, ускорением темпа жизни, быстрым развитием разнообразных форм коммуникации и, как следствие, многоликостью культурной динамики общества [Баркер, 2001], различного рода символы и знаки (например, эмодзи) сегодня являются особенно популярным средством общения. Это может объясняться необходимостью доносить до реципиента нужную информацию во все более сжатой и лаконичной форме, что отражает такую характерную черту глобализации, как пространственно-временная компрессия [Березовская, Кирьянова, 2009].

Метафора, являющаяся одним из самых популярных стилистических приемов, сама по себе может рассматриваться как пример когнитивного механизма компрессии информации. Если до

* © Taymour M.P., 2021

развития когнитивной науки метафоры, как правило, воспринимались как особый инструмент для ограниченного круга людей, профессионально работающих с языком (писателей, поэтов, ораторов и т.д.), то после выхода в свет революционной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980] стало очевидно, что метафоры пронизывают нашу жизнь насквозь, являясь весьма популярным средством выражения мысли в любых повседневных ситуациях общения.

В смешанной метафоре как лингвокогнитивном феномене, представляющем собой несколько метафор с различной когнитивной основой в непосредственной контекстуальной близости [Kimmel, 2009], компрессия информации происходит с особой интенсивностью, и встречаются такие метафоры как в контексте мономодальности, так и в мультимодальном дискурсе. Для инференции значения подобных единиц иногда требуется очень высокий уровень фоновых знаний / владения языком / лингвистической креативности, что может вызывать ментальное напряжение, или так называемый когнитивный диссонанс (термин Л. Фестингера, используемый как в психологии, так и в лингвистике [Festinger, 1957]), приводящее к срыву коммуникации, что было подробно рассмотрено нами в предыдущих исследованиях на примерах мультимодальных и мономодальных смешанных метафор в английском языке (см. подробнее: [Манерко, 2018; Голубкова, Таймур, 2019; 2020; Таймур, 2019; 2021]).

Исследование дорожных знаков как метафор

Дорожные знаки, используемые во всех странах мира для регулирования и упорядочения действий участников дорожно-транспортного движения, подразделяются на запрещающие, предписывающие, предупреждающие, информационные знаки; знаки приоритета, особых предписаний, сервиса и дополнительной информации. Три значимых составных элемента любого дорожного знака – это его форма, цвет и, как правило, изображение предмета или человека. Очень часто значение знака зависит от вербальной информации, расположенной в / над / под знаком, что превращает его в мультимодальную единицу. Кроме того, важную прагматическую роль имеет конкретное место расположения знака.

Дорожные знаки призваны своевременно информировать участника движения о ситуации на данном участке дороги и, соответственно, должны быть предельно лаконичны и понятны (хотя

бы интуитивно) на международном уровне. То есть можно утверждать, что практически все дорожные знаки – это определенные универсальные метафоры, анализируемые в настоящем исследовании как либо мономодальные визуальные метафоры (например, красный круг с белой горизонтальной полосой внутри во всех странах мира обозначает «въезд запрещен»), либо мультимодальные вербально-визуальные метафоры (например, красный шестиугольник с надписью STOP означает «движение без остановки запрещено»).

В фокусе внимания настоящего исследования находится феномен моно- и мультимодальной метафоры в контексте дорожных знаков. Задачу исследования составляет поэтапный анализ формирования смысла подобных метафор и изучение факторов, которые могут способствовать успешности расшифровки их значения. Общий корпус исследуемых дорожных знаков, которые были разбиты нами на классы по стране-происхождения, по типу (запрет / предупреждение и т.д.), по сфере применения (регулирование дорожно-транспортного движения / реклама и т.д.) и по уровню креативности, составил 500 единиц. Материалом исследования послужили дорожные знаки, выделенные в группу «креативные дорожные знаки», установленные на дорогах Российской Федерации и за ее пределами, отобранные методом сплошной выборки в открытых интернет-ресурсах и визуальном корпусе Google Image. Для решения поставленных задач в настоящей работе использованы такие методы исследования, как метод лингво-прагматического анализа и метод дискурсивного анализа.

Как и вербальные смешанные метафоры, которые часто являются спонтанным выражением креативности автора высказывания (например, *Nothing to shake home about*) или случайной оговоркой (например, *I have it on the tip of my hand*), иконические дорожные знаки могут быть весьма креативными (см. рис. 1) и не всегда ограниченными доменом «дорожное движение».

В случае поликодовых дорожных знаков, когда речь идет о лексическом компоненте, необходимо использовать понятие «лексика» с осторожностью («use the concept of “vocabulary” with great caution») [Forceville, 2019, p. 104]. Тем не менее можно утверждать, что лингвистическая составляющая дорожных знаков (как лексика, так и грамматика) часто играет важную роль при inferенции значения знака реципиентом. Ч. Форсвилль называет данный феномен «micro-vocabulary and micro-grammar» [там же, p. 104], так называемая «микрорексика и микрограмматика», что

вполне точно описывает особенности их функционирования в этом весьма специфичном дискурсе. Анализируемые дорожные знаки репрезентируют смешанную метафору, когда в едином знаке соединяются два (и более) домена-источника, принадлежащих различным семантическим областям [Таймур, 2020; Таймур, 2021].

Рис. 1. Креативные дорожные знаки (1)

Креативность в дорожных знаках с когнитивных позиций может восприниматься неоднозначно – если подобные знаки создаются с целью рекламирования или как база для арт-объектов, то основной целью является привлечение внимания и запоминание идеи реципиентом благодаря необычности изображения. Поскольку в форме и цвете знака закодирована вполне определенная информация, понятная всем реципиентам, хотя бы на базовом уровне знакомым с правилами дорожного движения (например, красный треугольник всегда означает предупреждение), существует возможность использовать знаки для юмористических целей и даже для убеждения окружающих в каких-то идеях и необходимости принятия некоторых действий, не относящихся к поведению на дороге (см. рис. 2). В подобном случае определенное ментальное напряжение или когнитивный диссонанс может быть полезен, провоцируя лучшее усвоение и запоминание идей адресатом.

Иногда, однако, дорожный знак, призванный помочь водителю любой лингвокультуры оперативно оценить ситуацию на дороге, может ввести его в заблуждение и вызвать повышенное ментальное напряжение. Говоря о лингвокреативности, считается,

что если в процессе создания креативного элемента дискурса (модальности либо мультимодальности) результатом соединения составляющих его единиц является синтез, это способствует верной и оперативной интерференции значения реципиентом, но если присутствует столкновение или конфронтация элементов, то это обычно вызывает определенное когнитивное напряжение и часто сопровождается возникновением юмористического эффекта [Таймур, 2019]. В ситуации, когда дорожные знаки используются вне дорожных ситуаций, это вполне допустимо, однако, если подобное смешение происходит на дороге, это может быть рассмотрено как прямая стимуляция аварийных ситуаций.

Рис. 2. Креативные дорожные знаки (2)

Например, на рисунке 3 изображены падающие силуэты людей, а лингвистическая составляющая «Caution Falling People» (осторожно, падающие люди) не помогает оперативно разобраться в ситуации – либо впереди обрыв, и возможно падение, либо возможно падение пешеходов на проезжую часть. А на самом деле знак обозначает присутствие впереди аттракциона «Bungee jumping» – прыжки с моста с канатом.

Рис. 3. Дорожный знак «Caution Falling People» в США

Выводы

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы: целенаправленное либо случайное провоцирование когнитивного диссонанса у реципиента в процессе декодирования значения дорожных знаков допустимо и даже желательно при использовании данных знаков вне контекста дорожного движения в качестве арт-объектов / рекламы / выражения юмора / критики и т.д. В этом случае креативные дорожные знаки выполняют свою функцию привлечения внимания и порождения интереса. Однако повышение уровня когнитивного диссонанса недопустимо, когда дорожные знаки используются в контексте дорожно-транспортного движения, так как это может приводить к аварийным ситуациям и другим нежелательным последствиям. Автор не приводит статистику по количеству аварий из-за когнитивного диссонанса, вызванного неоднозначными дорожными знаками, поскольку это находится за рамками данного исследования.

Список литературы

- Баркер К.* Глобализация и культурная идентичность // Контексты культуры II. Хрестоматия. – Казань, 2001. – С. 124–128.
- Березовская О.М., Кирьянова Л.Г.* Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 315, № 6. – С. 144–148.

- Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 147–154.
- Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 386–391.
- Манерко Л.А. Языковая личность в когнитивных и дискурсивных исследованиях // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 32. – С. 353–361.
- Таймур М.П. Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 13(829). – С. 84–95.
- Таймур М.П. Многоуровневый анализ смешанной метафоры как лингво-когнитивного феномена (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 71–76.
- Таймур М.П. Смешанная метафора как лингво-когнитивный феномен (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : МГЛУ, 2021. – 271 с.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. – Stanford : Stanford University Press, 1957. – 291 p.
- Forceville Ch. Reflections on the creative use of traffic signs' «micro-language» // Image and metaphor in the new century / Ed. by A. Benedek, K. Nyíri. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 103–117.
- Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well) // Journal of Pragmatics. – 2009. – N 42. – P. 97–115.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 252 p.

References

- Barker, K. (2001). Globalization and cultural identity. *Cultural contexts*, II: Reader, 124–128.
- Berezovskaya, O.M., Kiryanova, L.G. (2009). Trends in ethno-linguistic processes in the context of globalization of modern society. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 315(6), 144–148.
- Golubkova, E.E., Taymour, M.P. (2019). Factors of overcoming cognitive dissonance in mixed metaphors (based on the English language). *Cognitive studies of language*, 36, 147–154.
- Golubkova, E.E., Taymour, M.P. (2020). Verbal-graphic metaphor: recipes for successful cooking. *Cognitive studies of language*, 2(41), 386–391.
- Manerko, L.A. (2018). Linguistic personality in cognitive and discursive studies. *Cognitive studies of language*, 32, 353–361.
- Taymour, M.P. (2019). Cognitive dissonance in mixed metaphors in English. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, 13(829), 84–95.
- Taymour, M.P. (2020). Multilevel analysis of mixed metaphor as a linguo-cognitive phenomenon (based on the English language). *Issues of cognitive linguistics*, 3, 71–76.

- Taymour, M.P. (2021). *Mixed metaphor as a linguo-cognitive phenomenon (based on the English language)*. Unpublisged doctoral dissertation. Moscow: MSLU.
- Festinger, L. (1957). *A theory of cognitive dissonance*. Stanford: Stanford University Press.
- Forceville, Ch. (2019). Reflections on the creative use of traffic signs' «micro-language». In: Benedek, A., Nyíri, K. (eds.) *Image and metaphor in the new century* (pp. 103–117). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kimmel, M. (2009). Why we mix metaphors (and mix them well). *Journal of Pragmatics*, 42, 97–115.
- Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 252 p.

Адамова З.Г.

**XVIII Международные Березинские чтения
«Языковое бытие человека и этноса»***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, zoya_adamova@mail.ru*

Аннотация. В обзоре освещаются доклады, представленные на XVIII Международных Березинских чтениях 8–11 июня 2021 г.

Ключевые слова: языкознание; когнитивные науки; психолингвистика; русский язык; научное мероприятие.

Поступила: 15.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

Adamova Z.G.

**XVIII International Berezin readings
«Linguistic existence of human being and ethnos»***

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, zoya_adamova@mail.ru*

Abstract. The article presents an overview of the papers presented at the XVIII International Berezin readings «Linguistic existence of human being and ethnos» held on June 8–11, 2021.

* © Адамова З.Г., 2021

* © Adamova Z.G. 2021

Keywords: Linguistics; Cognitive Sciences; Psycholinguistics; the Russian language; academic event.

Received: 15.06.2021

Accepted: 06.09.2021

8–11 июня 2021 г. Лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) и Институтом научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) были проведены XVIII Международные Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса». В конференции, основными задачами которой по-прежнему остаются обсуждение актуальных проблем лингвистики и междисциплинарных исследований языка, обмен опытом между ведущими и молодыми учеными, приняли участие ученые из семи стран и более чем 20 городов, всего 133 человека.

Уникальная по охвату проблематики, групп научных работников, объединенных общими интересами, конференция в этом году проходила в дистанционном формате в виде мастер-классов. Впервые в рамках работы предконференции были организованы и успешно реализованы День молодого ученого с выступлениями магистрантов и аспирантов, стендовые доклады студентов бакалавра.

Основная программа конференции традиционно началась с трансляции видеоролика, посвященного доктору филологических наук, профессору Ф.М. Березину, и приветственного слова ректора МГЛУ И.А. Краевой, в котором была особо подчеркнута возрастающая роль цифровой аналитики в получении лингвистических знаний, мониторинга функционирования языка как в реальной, так и виртуальной коммуникации, и как следствие назревшая необходимость выработки системного взгляда на роль языка в постоянно меняющейся действительности.

Данью уважения и признательности заслуженному деятелю науки, доктору филологических наук, профессору Александре Александровне Залевской стал первый день конференции. Широте и многообразию научных интересов выдающегося Ученого и Учителя, во многом определивших решение и перспективы развития вопросов, связанных с лингвистическими и психолингвистическими проблемами в отечественной науке, соответствовали тематике

16 авторских мастер-классов и докладов, проходивших в течение последующих четырех дней работы конференции.

Теоретико-прагматическим исследованиям, направленным на понимание проблем, связанных с социальной сущностью языка, была посвящена мастерская «*Этнопсихолингвистика ценностей*» Пищальниковой В.А., д-ра филол. наук, профессора Московского государственного лингвистического университета. Руководитель Лаборатории психолингвистики МГЛУ и ее сотрудники представили свою работу по реализации развивающихся основных прикладных задач этнопсихолингвистики: вербального диагностирования социальной и межэтнической напряженности; вербальной диагностики способов социально-психологической и психолингвистической адаптации к условиям современной жизни; исследования проблем идентичности, базовых ценностей и антиценностей и создания ассоциативных мультязычных словарей базовых ценностей. Особое внимание было уделено теоретико-методологическим требованиям к этнопсихолингвистическим исследованиям: приемам категоризации и интерпретации реакций, полученных с помощью экспериментов; определению параметров речевого действия; проблеме анализа единичных реакций, составляющих основной массив эмпирического материала; вопросу уточнения содержания используемых и исследуемых базовых научных конструктов, таких как этничность и идентичность; обязательной проверке результатов, полученных с помощью ассоциативного эксперимента и др. Была отмечена назревшая необходимость в разработке общей программы сопоставительных этнопсихолингвистических исследований.

Результаты кропотливой работы, посвященной проблеме анализа и интерпретации ассоциативных данных, выводы об их теоретической значимости и практической ценности для исследователей были представлены в мастер-классе Степыкина Н.И., канд. филол. наук, доцента Юго-Западного государственного университета «*Ассоциативные нормы: потенциал применения формализованных параметров в психолингвистических исследованиях*». Автор наглядно продемонстрировал подход к моделированию речевого действия как механизма порождения и актуализации смысла на основе сопоставительного анализа динамики операционального состава речевого действия по ассоциативным данным разных периодов с учетом выделенных существенных параметров ассоциативного поля и речевого действия; поделился выводами о выявленных изменениях механизма порождения и актуализации

смысла, проявляющихся в динамике речевого действия – уменьшении речемыслительных операций полного синтаксирования в пользу речевых действий с преобладанием смыслового синтаксирования. Большой интерес вызвали результаты исследования, подчеркивающие значимость количественных параметров ассоциативных норм в анализе речевого действия.

В форме интерактивного общения прошло обсуждение методов и результатов экспериментальных исследований во второй день конференции. Профессионально была представлена процедура комплексного исследования гетеросемиотических текстов с демонстрацией характера сопряженности языкового и неязыкового конструирования, влияния визуальной и речевой модальностей на конструирование и интерпретацию креолизованных текстов Киосе М.И., д-ром филол. наук, доцентом, ведущим научным сотрудником Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета, автором мастер-класса *«Технологии айттрекинга на службе когнитивной семиотики: исследования гетеросемиотических текстов»*.

Статистическому сопоставительному анализу синтагматических связей как технологии измерения и выделения авторских маркеров лексической сочетаемости на примере русских авторов XIX в. был посвящен мастер-класс Мухина М.Ю., д-ра филол. наук, профессора Уральского федерального университета *«Измерение» особенностей авторской лексической сочетаемости в художественной прозе*. Оригинальность подхода, наглядность и ясность презентации, живые примеры и интерактивное общение, а также любовь автора к предмету анализа вовлекли участников в увлекательное практическое исследование магического мира художественного слова.

Описание «Семографа» и демонстрация практической работы в этой информационной системе для создания и обмена продуктами, относящимися к области экспертной и машинной обработки и анализа текстов, текстовых и языковых массивов стали предметом мастер-класса Белоусова К.И., д-ра филол. наук, профессора Пермского государственного национального исследовательского университета *«Лингвистические эксперименты в информационной системе “Семограф”»: от сбора данных к визуальной аналитике результатов исследования*». Участники узнали о возможностях, которые открываются для экспериментальных исследований в контексте использования информационных технологий: об инструментах управления проектами, платформе визуализации больших данных SciVi. Автору

удалось подчеркнуть актуальность задач, решаемых системой «Семограф» для обработки экспериментальных данных.

Философскому осмыслению и методологическим вопросам решения проблемы языка и коммуникации были посвящены мастер-классы третьего дня конференции. Значимость взаимодействия социогуманитарного и естественнонаучного знаний продемонстрировала Карданова К.С., канд. филол. наук, доцент Московского городского педагогического университета в своей мастерской под названием *«Теория аутопоэза как методологическая основа психолингвистического исследования коммуникации»*. Для решения методологической задачи операционализации концепции У. Матураны и Ф. Варелы и применения ее как инструмента для анализа социального взаимодействия в психолингвистике автором была предложена оригинальная модель конструирования структуры субъекта коммуникации; были обсуждены выводы исследования о существенных свойствах и операциональных единицах коммуникации.

Активное обсуждение места и роли языка в единстве общества как живой (когнитивной) системы продолжилось в ходе мастер-класса *«Возможна ли научная революция в современном языкознании»* Кравченко А.В., д-ра филол. наук, профессора Байкальского государственного университета. Как профессионал, никогда не удовлетворенный достигнутым уровнем, автор мастер-класса вынес на обсуждение глобальную проблему экологии языка как экологии человека говорящего в его единстве с реляционной средой, порождаемыми языковыми взаимодействиями; предложил подходы к переосмыслению функций языка, обозначив тем самым новые перспективы для лингвистических и психолингвистических исследований.

Во второй половине дня прошел мастер-класс по направлению «Русистика и преподавание русского языка» с докладом Бокале Паолы, канд. филол. наук, старшего научного сотрудника Отделения гуманитарных наук и наук для территориальной инновации Университета Инсубрия, г. Комо, Италия *«Русистика в Италии»*. Затем Николитной Н.А., главным редактором журнала «Русский язык в школе», канд. филол. наук, профессором и Куманяевой А.Е., генеральным директором ООО «Наш язык» был проведен круглый стол журнала на тему *«Психологические особенности поколения Z и современный образовательный процесс»*, где в обсуждении проблемы, обозначенной в докладе Борисенко Н.А., канд. филол. наук, ведущего научного сотрудника лаборатории экпсихологии развития и психодидактики (Психологический институт РАО, г. Москва, Россия) под названием *«Психологические особенности поколения Z и проблемы обучения русскому языку»*, при-

няли участие Шерстобитова И.А., канд. пед. наук, доцент Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, Миронова К.В., научный сотрудник лаборатории эконпсихологии развития и психодидактики (Психологический институт РАО, г. Москва, Россия), Бутакова Л.О., д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка (Омский государственный университет, г. Омск, Россия) и Зеленин А.В., д-р филол. наук, университетский лектор, факультет информационных технологий и коммуникативных наук (Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия).

На проблематике представления о сущности языка в целом под влиянием процессов глобализации, технологизации и индивидуализации и как следствие на осмысление понятий нации и национального языка был концентрирован открывший завершающий день конференции доклад Кирилиной А.В., д-ра филол. наук, профессора Московской международной академии *«Лингвистическое исследование как инструмент борьбы за сохранение культурной идентичности в эпоху атомизации общества и насаждения унифицированной регрессивной модели человека»*. Автор представила свое оригинальное видение решения латентных актуальных проблем защиты культурной идентичности и языка как мобильного ресурса с применением лингвистического инструментария.

Свое мастерство и понимание изучаемой проблемы в практической форме продемонстрировали также Михалев А.Б., д-р филол. наук, профессор Пятигорского государственного университета в мастер-классе *«Собираем пазл: принципы конструирования фоносемантического пространства»* и Варламов А.А., канд. биол. наук, заведующий Лабораторией когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в докладе под названием *«Коммуникативная семиотика прикосновений»*.

На закрытии конференции участники отметили преимущества формата конференции: интерактивность, разнообразие и оригинальность тематик и способов проведения мастер-классов. Участники конференции получили сертификаты повышения квалификации по направлениям: *«Методологические и прагматические аспекты исследования современной вербальной коммуникации»* и *«Современные возможности лингвистической экспертизы»*. Записи работы предконференции – День молодого ученого, стендовые доклады студентов бакалавриата, а также всех мастер-классов, открытия и закрытия конференции опубликованы на youtube.com: <https://youtu.be/pmTH9rvCbMQ>, <https://youtu.be/1MZBj90WsfI>, https://youtu.be/FJ_y-DMTgeM, <https://youtu.be/VsBlSA3ux4c>

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году. С 2021 года выходит четыре раза в год. Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=69764>

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи* и *аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 35 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Лицензионное соглашение и бланк акцепта размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редакционной коллегии представлены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org>